

Воспоминания

Б. Богданов

Порхов в первой четверти XX века

Борис Богданов, сын Порховского юриста, а с 1917 г. начальника уездно-городской милиции, в августе 1981 г. передал текст своих мемуаров в Порховский краеведческий музей, в фондах которого они сохранились до наших дней. Набранные на печатной машинке, доступные ограниченному кругу лиц, воспоминания Б. Богданова посвящены истории жизни и быта дореволюционного Порхова, в котором протекало детство автора. Воспоминания представляют собой колоритное описание облика города, его архитектуры, парков и скверов, воссоздают картину повседневной жизни тихого провинциального городка с ее заботами, радостями и наиболее яркими событиями, происходящими с жителями города и врезавшимися в память мемуариста. Особенно подробно автор воспоминаний останавливается на наиболее ярких личностях, проживающих в городе, давая им не только личностную характеристику, но и раскрывает род их деятельности, привычки, материальное благосостояние и вклад в развитие города. Не остаётся без внимания автора и описание народных гуляний, городских и церковных праздников, торговых рядов и увеселительных заведений: полковой оркестр, первое электричество и первый кинематограф в городе, являвшихся неотъемлемой картиной повседневности. Во второй половине своих воспоминаний Б. Богданов подробно воссоздаёт картину жизни города и его окружи в период Русской революции 1917 г., логически доводя свое повествование до момента установления Советской власти в уезде. Воспоминания отредактированы и подготовлены к публикации преподавателем ПсковГУ М. В. Васильевым. Допущенные мемуаристом неточности и ошибки исправлены и конкретизированы, явно пропущенные и недостающие слова и фразы добавлены в текст и отмечены знаком [...], небольшие сокращения текста обозначены (...). Воспоминания публикуются впервые, с сохранением стилистических особенностей автора.

Воспоминания Бориса Богданова

Троицкая слободка

На правом берегу Шелони, ниже запруды мельницы Гагаринского, стояла каменная, просторная и изящная Троицкая часовня. Вот почему вся часть правобережья почти от мызы Полякова и до Старорусской улицы и называлась Троицкой слободкой.

В городе были две слободки: Духовская и Пятницкая. Они так назывались потому, что на их территории находились часовни, на одной Духовская, на другой — Пятницкая. Все эти три слободки не являлись административным делением Порхова и, вероятно, в официальных документах не значились. О них говорилось лишь в простонародном обиходе. Но каждая, в зависимости от со-

става жившего в ней населения, имела свои моральные особенности.

Резко, например, отличалась Пятницкая слободка. В ней жили, главным образом, рабочие кожевенного и кирпичного заводов Шелониной и П. Зацкого. В городе это были наиболее крупные предприятия. Совместная работа на них сплачивала рабочих, у них пробуждалось пролетарское сознание, были зачатки общественной организованности. Пятницкую слободку по праву можно было назвать пролетарской частью города.

Троицкая слободка примыкала к древней крепости. Она была сооружена «на версту ниже» по Шелони после того, как утратило своё значение городище, что существовало

возле позднее возникшей мызы Полякова... Слободка являлась очень привлекательной частью города. По составу населения была в некоторой степени либеральной, но большинство её жителей принадлежало к категории благонамеренных и безучастных к событиям общественной жизни. Здесь жили некоторые чиновники городской управы и уездных учреждений, учителя, купцы, владельцы постоялых дворов, церковнослужители и больше всего ремесленники. К числу наиболее известных и популярных принадлежали семья учителя Ерова, учительницы Масленниковой, агронома Земской Управы Борщевского, директрисы женского начального училища Арановой, городского общественного деятеля Дробина, доктора Слива, Мукинина, Сергеева. О некоторых из них я подробно расскажу позже в разделе о людях города.

В слободе не насчитывалось и полдесятка каменных домов. Все жилые постройки были деревянные, одноэтажные и немного двухэтажных. У всех были большие земельные участки. Почти все имели коров, нетелей, свиней, птицу, овец. Извозчики держали лошадей для легкого и ломового воза. Эта окраина города отчасти напоминала деревню. Летом все правобережье гоняло на выгон огромное стадо скота. Городская управа имела в окрестностях Порхова большое количество пахотной земли и пастбищ. Пахотные земли сдавались в аренду горожанам и крестьянам ближайших деревень. Сеяли озимую рожь, весной ячмень, овес, вику и гречиху. Тогда во всем Порховском уезде не было морозостойких сортов пшеницы. Пшеницу сеяли яровую, но урожаи она давала низкие. Сельский облик слободке придавали и гумна на задворках и небольшие бани. У агронома Борщевского тоже было свое гумно и большой опытный участок, набор сельскохозяйственных, по тогдашнему, современных машин. Все эти обстоятельства, помимо работы по найму, создавали для большинства населения слободки большую занятость в личном хозяйстве. Зато ни у кого недостатка в продовольствии не было. Несли не с рынка, а на рынок. Очень много держали гусей, но в Шелонь пускать их не разрешали ... за городом было несколько прудов и заболоченных участков, там гуси и паслись.

Жители любили свою слободку и свой город, свои усадьбы содержали опрятно и стремились к тому, чтобы его домик выглядел нарядно, разводили сады и цветы. Конечно, были и неухоженные дома и усадьбы. Принадлежали они бобылям и бобылкам, выморочным людям, такие аборигены не жили, а доживали свои дни. Очень разорительными были пожары, чаще всего они случались зимой. Тепло любили и в стужу печи накаляли. Не углядели на чердаке трещину в борове, и запылал пожар. Спали крепко и просыпались, когда уже по всему городу разносился набат или соседи ударяли в окно. Спасти ничего не удавалось, дом и имущество сгорали дотла. Погорельцы находили приют у кого-то из соседей. На страховку пострадавший хозяин покупал бревна — крестьяне привозили их много и строили они недорого. Широко было развито чувство взаимопомощи. Кругом соседи плотники, столяры, печники. Никто не застрахован от беды. Помог кому-то, случись, что у тебя, и тебе тоже помогут. Соседи тебе артелью быстро поставят новый дом, и вся плата, когда закончат дело — угостишь этих бескорыстных мастеров. Усадьбы просторные, постройки не стояли крыша к крыше. Поэтому и пожар не распространялся. Погасить пламя в горевшем доме было мало надежды. Воду в бочках подвозили из Шелони. Насосы у пожарной команды ручные, слабые. Старались локализовать пожар, дожие мужики брались за багры на длинной насадке, опрокидывали и стаскивали крышу, потом растаскивали сруб по сторонам. Из колодцев ведрами носили воду и заливали бревна и доски. Не один раз я был свидетелем таких пожаров. Ведь для мальчишек это же зрелище. По улицам к месту пожара бежали мужики и парни. И не с пустыми руками, каждый по существовавшему тогда расписанию нес с собой то, чем он должен был действовать при пожаре. Это были члены добровольной пожарной команды. Добровольное пожарное общество было очень популярной организацией в городе. Принимали в него молодых, здоровых и сильных мужчин, которые гордились принадлежностью к добровольной пожарной команде. Им выдавали брезентовую куртку и медную каску, которая всегда у них была до блеска начищена. На домах

пожарников висели знаки, определяющие, с чем он должен бежать на пожар. У каждого был свой знак из их широкого набора: топор, багор, ведро, лестница, крюк, лом, ухват на длинной насадке и лопата. Время от времени Городская Управа проводила смотры добровольной команды и её инструктаж. Мы узнавали об этом из простых наблюдений. Видели, как в какой-то день пожарники в касках шли к месту сбора. Не забыли о них и в день торжественного открытия нового пожарного депо, постоянного на правом берегу возле моста... Свои строения порховичи страховали в одном из двух надёжных страховых обществ: «Россия» и «Саламандра». Вместе со страховым полисом выдавалась большая круглая и красочная эмблема на жести, которую прибавляли на фасаде дома. Была такая эмблема и на нашем доме. По середине по горизонтали крупно [написано] «Россия», а сверху по овалу «В обществе», внизу «Застраховано». И читалось так: «В обществе «Россия» застраховано»...

Лучшей в Троицкой слободке, да и во всем правом берегу, являлась набережная от моста до Троицкой часовни. Она была вымощена булыжником и имела тротуар из известковых плит. Каменоломни находились на правом берегу Шелони, как раз напротив плотины мельницы Гагаринского. Помнится, что они были бесхозными. Кому нужны были плиты для каменной кладки — приходили сюда и ломали их. Несколько домов в слободке, да и во всём городе имели первый этаж, выложенный из плит. Чуть ниже находилось какое-то «чудо» природы — открытые залежи голубой глины. Почему-то её никуда не применяли. Для ребятишек же залежи голубой, необычной и эластичной глины были любимым местом развлечений. Река тут имела пережат и в летнее время была маловодна, её можно было перейти в брод. Но такой способ годился для ребят, для взрослых же людей он не подходил. Городская Управа установила здесь пешеходный мостик на козлах, в результате чего значительно сократился путь к Сенному рынку.

В слободке было всего два одноэтажных дома: один возле моста, второй на усадьбе Арановых. Был ещё третий красивый особняк купца Зайцева из тёмно-красного

кирпича завода П. Зацкого. Каменный флигель у Арановых по всем внешним признакам возводился не как жилое помещение, а как хозяйственное... На набережной стояло пять двухэтажных деревянных домов. Шестой двухэтажный дом Мешеревского находился в конце слободки, недалеко от плотины мельницы. Мешеревский оставил некоторый след в памяти горожан. Он пытался наладить промышленное производство черепицы, в надежде, что его начинание принесёт ему успех... Однако спроса на черепицу не было. Приходили в мастерскую, смотрели, брали в руки и, откланявшись, уходили. Больно тяжела, — говорили, — надо менять все стропила, а то обрушится и потолок продавит. В те времена в городе существовало правило употреблять на крыши железо, тес и гонт. По своему виду в слободке выделялись лишь 4–5 домов. Это особняк купца Зайцева, дома агронома Борщевского, Аранова и учителя Ерова. Хорошо смотрелась одноэтажная деревянная начальная школа возле Покровской церкви. В усадьбе Ерова были домик и дом. Домик напоминал что-то старосветское с высокими крыльчками и двумя колонками на нем. И веяло от этого домика домашним уютом. Рядом стоял большой, рубленный в лапу дом с мезонином и фасадами на восток и запад. Этот дом Еров сдавал в аренду, и в нём находилось женское начальное училище.

В слободке находилось три торговых точки — на стыке набережной и Троицкого переулка. На левом углу небольшая лавка Калашникова, на правом — портерная, по теперешнему понятию, что-то вроде скромного кафе без крепких напитков. Торговали, главным образом, сладкими напитками, которые изготавливали Толотовы. Вторая лавочка, чуть дальше от переулка в сторону часовни принадлежала Гусаровым. Обе эти лавочки, хотя и были «универсальны», но ютились в тесных помещениях жилых домов их владельцев. В них можно было купить сахар, соль, спички, табак, папиросы, конфеты, селёдку, керосин, печенье и много другое. К их услугам прибегали, когда не было времени сходить в город в большой магазин с широким выбором товаров, где рядом с бакалеей стояла бочка с селёдкой и бак с керосином. В таких примитивных лавочках мужья торговлей

не занимались, вели её жены. За прилавком в лавочках никто не торчал. Откроешь дверь, звякнет звонок, из кухни выйдет тётка с подвязанным фартуком, отпустит товар и уйдет на кухню к своим делам. В центре города в малопосещаемых лавках тоже была такая система торговли и выхода к прилавку на дверной звонок. Понятно, что такая торговля большого дохода не приносила и служила дополнительным приработком к семейному бюджету. В Троицкой слободке на правом берегу и в городе были очень распространены такие фамилии: Калашниковы, Гусаровы, Минаевы, Машинины, Захаровы, Фуфаевы, Кибиревы, Зайцевы, Лунёвы. Почти все они являлись близкими или дальними родственниками, жили по-разному, кто-то из них пробивался в купцы, кто-то содержал постоянный двор, большинство же было ремесленниками и кустарями.

Троицкий переулочек

У каждого человека есть своя точка отсчёта жизни. О ней он говорит: здесь началась моя Родина. Такой точкой отсчёта для меня, моих братьев и сестры был Троицкий переулочек Троицкой слободки. Переулочек короткий, от Шелони он простирался на восток на 300–350 метров и упирался в крайнюю улицу слободки, а за ней начиналось чистое поле. Дальше в километре от этой окраины стоял лес владельца имения Полоное Дондукова-Корсакова ... В Троицком переулочке нас окружали простые и хорошие люди. Справа жил старик Михаил Калашников. Не знаю почему, но мы, мальчишки называли его между собой дед Лом. Он имел сад и большое парниковое хозяйство. Собирал много яблок, малины, а в парниках выращивал огурцы и рассаду. О помидорах тогда еще ничего не знали. Обустройство усадьбы старика резко отличалось от всех других строений слободки. Дом стоял на высоком каменном фундаменте, вместе с ним под одной крышей находился амбар и был обшит тёсом, который со временем потемнел. Строение было очень старое, о чем свидетельствовали могучие березы вдоль ограды парников старика. Под ними осенью росло много груздей. Во дворе конюшня и сарай. На дверях амбара, погреба, сарая — огромные замки. Старик не

был вредным, но оставался всегда не разговорчив. По всему было видно, что он человек какой-то другой закваски. У всех ворота и двери всегда открыты, у него же высокий забор и глухие ворота, которые постоянно находились на запоре ... Далее жил легковой извозчик Степан Ревунов. Это был один из немногих выпивох в нашей слободке. Всегда на бирже он был трезвым. По пути домой Степан останавливал лошадь, привязывал вожжи к облучку и отпускал её домой. Ни кто не удивлялся пролетке без седока — все знали, Степан гуляет...

Шелонь, сколько ты приносила нам радости! Мы не давали тебе отпуска весь год. Зимой возле моста против дома П. Зацкого лёд расчищали, сглаживали скребками и заливали водой. Здесь создавался городской каток. На правом берегу у катка ставили деревянный балаган для пробега конькобежцев. В нём были кухня и буфет с горячими и холодными блюдами и винами. С берегов Шелони ребятня каталась на салазках... Наступала весна, которую мы ждали с нетерпением. Что в эту пору было связано с Шелонью? Бывают у нас такие тихие и звонкие вечера, когда каждый звук слышится далеко. Мельник Гагаринский убирал защитные щиты со своего шлюза, и вода в реке начинала прибывать. Проходили дни, и вода уже начинала переваливать плотину, образуя водопад высотой падения более до двух метров. Когда вода поднималась, то этот водопад превращался в перекаат над плотинной. Лёд пошёл! Этот крик несся от улицы к улице. Льду с верхнего течения тесно, льдины напирают на берег, более крупные подминают под себя мелкие, те крошатся и поднимаются дыбом. Это зрелище собирало на берегах много людей... Кто любовался, а кто и занимался делом. По берегам у самого берега появлялись рыбаки любители. В руках у них было специальное орудие лова, называющееся ливой. На длинной жерди был прикреплен деревянный обруч до двух аршин в поперечнике, к нему крепилась кошелеобразная сеть. Рыбак на всю длину жерди заносил свое приспособление над водой и погружал его, потом подтягивал к берегу и редко, когда вытягивал ливу пустую... В целом Шелонь в верховье и низовье была очень рыбной. Часто ловили сомов весом в несколько пудов. Ино-

гда во время половодья по реке плыло много снулой рыбы. Одни говорили, что она задохнулась зимой подо льдом. Но вряд ли это было так. На берегах Шелони деревни стояли густо, и возле каждой из них на реке делалось несколько прорубей. Их хватало для питания реки кислородом и тем более при проточной воде. На этом основании многие утверждали, что рыба не задохнулась, а отравилась. Происходит это тогда, когда половодье захватывает ленные мочила. В деревнях их у каждого крестьянина одно-два. В них укладывали снопы льна, сверху накрывали хворостом и натискали камнями. Лён долго лежал, до поздней осени. [Затем] крестьянин в рубахе и портах с вилами в руках опускался в студеную воду и выбрасывал снопы на берег. В деревне для него жарко топили баню, и он в ней после такой работы усердно парился. Баня являлась первым средством профилактики и лечения хвори. К этому добавлялась еще косушка водки. Вода в мочилах долгое время оставалась чёрной и зловонной, а весенние потоки смывали её в Шелонь, и она травила рыбу. На это смотрели как на неизбежную беду.

Летом в Шелони купались почти повсеместно, а мальчишки даже в черте города. В иные годы наш пляж возле крепости был занят штабелями бревен. Иногда при спаде паводка по Шелони с верховья реки производился сплав леса. Пологий берег был удобен для трелевки брёвен. Поперёк реки ставили запань, и лес вытаскивали на берег. Городской управе были известны места массовых купаний, но она ничего не предпринимала для их оборудования. Её забота о создании для населения условий по использованию реки ограничивалась такими мерами: весной установить два пеших перехода ниже плотин мельницы, расставить несколько плотов для полоскания белья и содержать в порядке два пожарных спуска к реке, которые находились на том и другом берегу выше моста. Шелонь в те годы была хоть и не обильной, но в достаточной мере полноводной рекой. Но вот, что странно — на всей реке в черте города не было ни одной лодки. Притоками Шелони являлись две реки Полонка и Уза.

С Полонкой у меня сохранилось одно воспоминание. В годы Гражданской войны

катастрофически не хватало соли, и она являлась большим дефицитом. В Полонке при самом впадении в Шелонь в середине русла был мощный столп солёной воды. По распоряжению родителей мы, мальчишки, брали посуду и шли к этому источнику, набирали воду и приносили её для приготовления пищи. Она не была совершенно солёной, но все же избавляла нас от пресной пищи.

Родители, дети и церковь

Это очень существенный вопрос, который нельзя обойти молчанием. Все мы с пелёнок росли в религиозной среде, дома и вне его нас окружали атрибуты, обряды, обычаи и нравонаучения. Изо дня в день нам говорилось: «Все мы под Богом ходим», «Без Бога ни до порога», «Бог дал, Бог взял». Эти наставления годились на все случаи жизни — какая-то радость в доме — значит, Бог послал, случилось несчастье или пришла беда — Бог покарал, не везет человеку — не ропщи, смирись. Но нельзя утверждать, что в Порхове все жители были верующими, было много людей атеистически мыслящих, но они этим не козыряли, чтобы не прослыть вольнодумцами. Во многих семьях не было единства мнения, чаще всего отец был атеистом, мать — верующая. Отец спокойно, не оскорбляя религиозных чувств жены, тянет детей в свою сторону, мать отстаивает свои убеждения. Так, постепенно, путём взаимных уступок, в семье складывается такая атмосфера, которую можно назвать «золотой серединой». К числу таких семей принадлежала и наша семья. Отец считал ненужным ежедневное соблюдение некоторых религиозных обрядов: утренняя и вечерняя молитва перед иконой, то же самое перед тем, как садиться за стол и браться за пищу. И этого в нашей семье кроме матери никто не делал. [В других семьях] с детства детей приучали чтить Бога и его святых угодников, а в каждом доме находился целый арсенал [предметов религиозного культа и утвари]. И везде их по-разному облагораживали. У кого в углу одна-две угловые полки, а на них иконы, у других на весь угол киот, а сами иконы в серебряных ризах. У всех в красном углу одна — две лампы и почти у всех они не гасимые. Заправлялись такие лампадки спе-

циальным, так называемым, деревянным маслом, заправка другим горючим не допускалась ... В школе ученикам преподавался «Закон Божий», а также древний церковнославянский язык. Обязательным для школьников было соблюдение таких церковных обрядов, как посещение богослужений, говение, исповедь, причастие. Отношение ученика к ним отражалось в оценке успеваемости по «Закону Божьему». Законоучитель мог причинить ученику большие неприятности, вплоть до домашней порки, т. к. родительская гордость не позволяла, чтобы священник плохо отзывался об их сынишке. Законоучителем в приходской школе, где я учился, был священник тюремной церкви отец Сергей. Он устраивал нам своего рода практику, приобщал нас к своим богослужениям. Перед воскресеньем он отбирал в классе несколько мальчиков, а на следующий день мы приходили к железным воротам тюрьмы и стражник проводил нас в церковь, располагавшуюся на втором этаже тюремного корпуса. Здесь нам, как безгрешным отрокам, разрешалось заходить в святое святых церкви — алтарь. Мы прислуживали отцу Сергию, помогали ему облачаться во время богослужения, раздували и подносили ему кадило, потом кропили со святой водой ... Особенно торжественными были богослужения накануне Рождества, в страстную неделю Пасхи и дни храмовых праздников. В дни Великого поста службы отличались ранним началом и суровой строгостью. Ёлка тогда приурочивалась не к Новому году, а к Рождеству. Сама ёлка стояла в домах горожан и после Нового года. Для ребят в предрождественские дни были самыми интересными не церковные службы, а народные обычаи. Из обычаики решета мастерили прозрачную красную звезду, приделывали к ней рукоятку, внутрь звезды ставили зажжённую свечу и толпой ходили по дворам славить Христа. Девушки гадали о своей судьбе. Важное место в жизни народа занимали посты..., постились много и часто. Среда и пятница также являлись постными днями. Во время постов шла бойкая торговля свежей и солёной рыбой, сметками, солеными и сушёными грибами, толокном, льняным и подсолнечным маслом и даже специально изготовленным

постным сахаром. Так как считалось, что при производстве рафинада для фильтрации его жидкого сиропа используются кости животных, что делает рафинад скоромным. В городе на левой набережной Шелони чуть ниже моста находился рыбный магазин Усанова. Никогда у него не переводились вяленые снетки, их называли талабскими по месту вылова. Спрос на них был огромный. Прежде чем подтянуть пояса, Великому посту предшествовало утробное разгулье — Масленица. В то же время это было и массовое народное гулянье. [Затем] наступал Великий пост, длившийся шесть недель. Начало его не было постоянным и зависело от того, в какой день в текущем году будет Христово Воскресенье. В дни великого поста жизнь в городе резко изменялась, прекращались шумные увеселения, сокращались ссоры в семьях, раздоры между людьми. Лица верующих становились строгими и постными, что, однако, не исключало взаимной вежливости и почтительности друг к другу. Верующим предстояло обдумать свои согрешения, покаяться в них в церкви, простить свои обиды другим. Рано утром порой до рассвета, в церкви редко и уныло начинал звонить колокол, собирая прихожан на молитву. Помню раннее февральское утро. За ночь пушистого снега навалило по колено, мы с матерью идем в Никольскую церковь. Она впереди торит мне дорожку, я за нею. Вместе с матерью я прошёл в Никольской церкви «полный курс» говения. Она ко всем богослужениям и обрядам относилась с полной христианской истовостью. Я же, набравшись терпения, всё исполнял без всякого благоговения, во многом ради школьного законоучителя отца Сергия. Пасху ожидали с нетерпением. Она всё же приносила нам много интересного и развлекательного. В церковных обрядах нас больше привлекала внешняя сторона и красивость. Например, как было интересно в тихий весенний вечер на страстной неделе в чистый четверг донести до дома горящую свечу, зажжённую в церкви. Свеча в правой руке, левой прикрываешь пламя фитилька, чтобы внезапно налетевший ветерок не смахнул его. «Святость» этого обряда заключалась в том, чтобы огонёк от церковной свечи или лампады донести до дома и запалить в нём лампадку.

Но мы, ребята, превращали этот обряд в некую спортивную игру. Если по церковным канонам допускалось зажечь погасшую свечу от свечи другого, то мы это правило исключали, несли только свой огонёк. Не сохранил его до условленного места — из игры выбыл. Перед тем, как расходиться в разные стороны, все потухшие свечи зажигались, ведь каждый же должен донести свой огонёк до дома. Мы всегда стремились что-то переиначить на свой лад и найти в этом забавное. Вот в ночь на Пасху в битком набитом Троицком соборе притч готовился к торжественному богослужению. Архиерей становился на возвышение перед алтарем и его начинали облачать. Священники ниже рангом надевали на него все положенное для такого случая. Верующие на все это смотрели с умилением, а мальчишки умудрялись всё это обсудить и едко прокомментировать: «Что он, сам не может одеться», «а гребень-то его, которым волосы расчёсывали, похож на грабли» и т. п. В ночь на Пасху мы не спали. Это же была такая интересная ночь. Мы вместе с матерью шли на Соборную площадь, в соборе страшная теснота и духота, полумрак от дыма ладана и копоти свечей и лампад. Мы начинали пищать, и мать отпускала нас на воздух — именно это нам и было нужно. Как же было интересно на площади! На всех каменных тумбах кругом ограды, на всех карнизах двух храмов и колокольни плюшки с горящими фитилями. А вот когда в соборе известят о воскресении Христа, ударят во все колокола во всех церквях города, тогда начнут запускать ракеты с разными огнями и разной их россыпью. Не расходились с площади, пока весь этот праздничный салют не заканчивался. Домой же приходили уставшие, и нам было уже не до разговенья, укладывались спать. Разговлялись утром. На святой неделе нам, мальчишкам, хватало работы. Всем разрешалось подниматься на колокольни и звонить в колокола. Нам надо было побывать на всех колокольнях и несколько раз на соборной. С каким удовольствием мы раскачивали здесь язык большого колокола и били им по звонкому металлу. На этой неделе у нас было ещё одно увлекательное занятие — это катание крашенных яиц. Оно являлось народным обычаем, и мужской пол занимался им от

мала до велика. Существовала даже специальная «индустрия», которая изготавливала безвредные краски и разноцветные бумажки для окрашивания яиц, лотки и три дорожки для катания яиц. В зависимости от погоды, игра проходила либо на улице, либо дома.

В двадцати верстах от Порхова на северо-запад, среди векового хвойного леса находился мужской Никандровский монастырь. Обычно в конце мая каждого года большую икону св. Никандра на руках переносили в Порхов для богослужения в церквях и крестного хода по городу. К выносу иконы в монастыре собиралось огромное количество верующих и торговцев. Монастырь не мог обслужить такую массу богомольцев, поэтому в дни церковных служб здесь шла бойкая торговля съестными продуктами и предметами религиозного культа. Мой отец в 1917 г. должен был поехать в монастырь для наблюдения за общественным порядком. После Февральской революции он был назначен начальником уездно-городской милиции. Отец взял меня с собой. Ехали мы на лошадях через деревню Селище, Сторожевую гору. У имения Вячек по мосту пересекли реку Узу и дальше по лесу к монастырю. Всю дорогу обгоняли толпы богомольцев. Не только в уезде, но и за его пределами верующие очень чтили св. Никандра и по традиции на богомолье в его монастырь и обратно домой добирались только пешком. Икону выносили из монастырской церкви, ставили её на высокие носилки с ножками. На плечах несли её попеременно. Богомольцы стремились сподобиться этой благодати и взять на свои плечи эти носилки. Походная процессия с иконой растягивалась на многие сотни метров. Все встречные становились в ряд на колени и икону проносили над ними. В своё время монахи выбрали хорошее место для своего монастыря. Он стоял на просторной поляне, окружённой лесом. В восточной части её находились монастырские службы, двухэтажная гостиница с кельями, трапезная с длинными чисто выскобленными столами и скамейками по бокам. Вправо от этих строений и немного вглубь [располагалась] монастырская церковь с высокой колокольней. На колокольне висел настолько могучий колокол, что в тихую погоду звон его доно-

сился до западной окраины Порхова. Вокруг самого монастыря простирались неописуемо красивые вековые деревья. Эти леса были просто сказочны, высота деревьев такая, что задери голову — шапка упадёт с головы. С сучьев елей свисали длинные пряди седого мха. Монахи умело и расчётливо использовали прелести природы. Они построили в лесах несколько часовен, в одной, например, вырыли неглубокий колодец, поставив красивый сруб. Вода в колодце обладала таким свойством — бросишь в него медную монетку, опустится она на дно и становится как серебряная. До дна колодца не более двух метров — все видно. А бросали не по одной монетке, ведь всем интересно, как металл из красного превращался в белый. В дни большого наплыва богомольцев монахи вечером сгребали и убирали монеты, а утром их опять начинали бросать в колодец новые богомольцы ... Процессия с иконой св. Никандра минула деревню Селище, приближаясь к вокзалу. На всех колокольнях города ударили в колокола. Священнослужители с хоругвями, крестами и кадилами выходили встречать святыню. Затем в церквях города несколько дней проходили богослужения, так как верующих всегда было много и надо было дать возможность всем соприкоснуться с божьей благодатью. Затем наступало время крестного хода по городу. Крестный ход проходил по улицам города, по кольцевому маршруту. Начинался на левобережье, затем переходил на правый берег к Покровской церкви, от неё налево в Духновскую слободку, потом по окраинной улице в Троицкую слободу, далее по набережной к мосту. Начинался маршрут от Троицкого Собора, здесь он и заканчивался. Крестный ход постоянно сопровождался колокольным благовестом — колокольным звоном.

Школы и учителя

В своих воспоминаниях я буду говорить об учебных заведениях, которые при мне существовали. Начну с правобережья.

1. Школа трудолюбия. Так тогда её называли горожане. Здание деревянное на очень высоком фундаменте, крыльцо широкое с колоннами и конусной крышей. Школа начальная, трёхклассная.

2. Начальная школа возле Покровской церкви. Здание одноэтажное, деревянное, фасадом прямо в сторону моста. Школой заведовала учительница Мария Касьяновна Масленникова.

3. Женская школа находилась в доме Н. Н. Ерова и одной стороной выходила к Троицкому переулку. Дом деревянный с большим мезонином. Эта школа относилась к разряду частных и заведовала ею В. А. Аранова. Сама семья Арановых жила на втором этаже этого же дома, на первом жил их сын — полицейский офицер.

Учебные заведения на левом берегу Шелони.

4. Женская гимназия, [располагавшаяся] недалеко от мельницы Гагаринского. Здание двухэтажное из красного кирпича, одно из самых лучших в городе. Уже в двадцатых годах нашего (XX век — *М. В.*) века в нём находилась полковая школа 168 стрелкового полка 56-й дивизии.

5. Реальное училище на Соборной площади. Обучение платное по 50 рублей в год с ученика. Здесь учился мой брат Леонид и я.

6. Городское четырёхклассное училище. Здание двухэтажное, каменное на Петербургской улице. Директором училища был Поляков. Обучение платное по 25 рублей с ученика.

7. Трёхклассная приходская школа. Здание деревянное одноэтажное, на берегу Шелони против крепости. Заведовал школой Иван Михайлович Сухоруков.

8. Начальная школа на Вокзальной улице в доме учителя приходской школы Я. Ф. Федотова. У него на дворике было два деревянных дома, один с мезонином, в котором он жил, второй одноэтажный — сдавал под школу.

9. Духовное училище, или как его называли, бурса. Двухэтажное, каменное здание, расположенное недалеко от Шелони, ниже мельницы Витте.

Подробнее расскажу о приходском училище (в данном случае речь идёт о приходской школе, в которой обучался сам мемуарист — *М. В.*). В нём работали три учителя: Иван Михайлович Сухоруков, он же заведовал школой. Яков Карлович Фёдоров, Евдокия Ивановна, фамилию которой я забыл.

Они поочерёдно принимали первый класс и три года вели его по всем предметам до выпуска из школы. Иван Михайлович жил с семьей при школе в пристройке к учебному зданию, т. к. ему была положена бесплатная квартира. Большой школьный двор также был частью его владений. С одной стороны участок был отгорожен под сад и огород, с другой — находились хлев и сенной сарай... Первые месяцы мы приходили на занятия с грифельной доской и грифелем. На ней мы учились выводить буквы и цифры. Домашние задания выполняли тоже на грифельной доске. Портить бумагу нам не сразу разрешали. В школе меня все три года вёл учитель Яков Карлович, это был милейший человек. Они никогда не прибегал к наказаниям, а их существовало всего два вида: поставить провинившегося ученика в угол или оставить его после уроков. Прошло столько лет, и Якова Карловича уже давно нет на свете, но я до сих пор ясно представляю себе его облик. Среднего роста, сухощавый, всегда прилично одетый, гладко причёсанными с седьмой волосами и небольшой бородкой. Он покорял нас мягкостью своего характера. У нас, его питомцев, на всю жизнь сложилось почтительное отношение к нашему учителю... В приходской школе я учился успешно. Из класса в класс переходил с похвальными листами, их тогда печатали на меловой бумаге, многокрасочно, крупно, формата газетной страницы. Украшения похвальных листов постоянно менялись и отражали важнейшие события в жизни страны. Так, торжественно врученный мне первый похвальный лист был посвящен 300-летию дома Романовых. За второй и третий классы — Первой Мировой войне. Вручение похвальных листов, книжек с дарственной надписью заведующего и учителя класса проводились в присутствии родителей и представителей городского начальства. На похвальном листе первой стояла надпись городского Головы П. Зацкого. Помнится, что он значился не только в этом чине, но и как председатель попечительского совета школ города. В приходской школе большинство ребят было из мещанской среды. Поэтому и атмосфера отношений между ними сразу складывалась на прочной основе — как равный с равным. Мы уже знали один

другого по совместным уличным забавам, знали кто, где и как живёт. Дома и в школе нам не позволяли осуждать кого-то из своих сверстников.

В иной атмосфере я очутился в реальном училище. Горько мне было первые две-три недели ходить сюда на занятия. Костюм мне родители справили, а вот купить ботинки денег не хватило. Купили мне лёгкие светлые тапочки с помпончиком. Их срезали, тапочки отнесли сапожнику покрасить в чёрный цвет. В них я и явился на первый урок. Будь это в приходской школе, там никто бы и внимания не обратил. А тут некоторые надменные мальчишки начали издеваться надо мной. Да, в реальном училище существовала кастовость, и она особенно заметно проявилась в первые один-два года. Потом социальные различия постепенно сглаживались. Обучение в реальном училище намечалось семилетнее, но до Октябрьской революции оно не успело сделать ни одного выпуска. В училище учащиеся носили специальную форму и фуражку с эмблемой — две скрещенные веточки. В форме ходили и преподаватели. Мне особенно запомнился один — Николай Николаевич Трофимов (преподавал арифметику, алгебру и геометрию, классный воспитатель первого выпуска реального училища — *М. В.*). В свободное от занятий время он был организатором литературных вечеров, спевков самодеятельного хора. Училище имело хорошую библиотеку, в помещении, заменявшем нам зал, висел портрет Николая II, перед которым нам приходилось исполнять гимн. Нужно отметить, что в училище не уделялось никакого внимания физической подготовке учащихся (в данном вопросе мемуарист заблуждается, т. к. в училище существовал целый курс гимнастики, который преподавал Н. К. Вавер — *М. В.*). В реальное училище принимали главным образом сыновей дворян, купцов и чиновников определённого класса по табелю о рангах. Впоследствии некоторые из них скатились в болото контрреволюции. Это их руками был совершён такой акт: после Октябрьской революции на левом берегу Шелони на площадке против моста на пьедестале был установлен бюст Карла Маркса. Они надругались над этим памятником. Был громкий процесс. В реальном училище я занимался недолго, всего два года. Приятной памяти оно у меня не оставило.

Рядом с учителями на одну доску нашего преклонения надо поставить и медицинских работников города. Их не так много насчитывалось, но все они пользовались большим авторитетом у порховичей. Начну с уездной больницы. По тем временам она являлась довольно крупным лечебным учреждением. При ней имелась и поликлиника для амбулаторного приема больных. И больница, и поликлиника размещались достаточно компактно. Обширную практику в городе имели медицинские специалисты Кособуций, Фогель, Спилло (скорее всего автором допущена ошибка, имеется в виду врач Слива — М. В.), акушерка Быковская. Кособуцкий был высоким, добродушным человеком, уже в годах. Имел весьма скромный выезд — лошадку с тарантасом. Достаточно часто ему приходилось выезжать в уезд. Точно не знаю, являлся ли он дипломированным врачом, или только фельдшером. Но если он и работал фельдшером, то исключительно опытейшим. Доктор Фогель был молод и красив, ему, наверное, не было и сорока. Но вдруг он тяжело заболел и скончался, что глубоко огорчило горожан, многие из которых провожали его в последний путь. В Порхове, пожалуй, не было семьи, в которой не знали акушерку Быковскую. В нашей семье, например, она принимала всех нас, младенцев и была для наших родителей своим человеком.

В городе было две аптеки: на первом этаже земской управы, и частная, на втором этаже каменного дома на Петербургской улице. Не ручаюсь за достоверность, но мне помнится, что лекарства по рецептам в земской аптеке отпускались бесплатно. Меня мать часто посылала за ними и денег для оплаты не давала. Правда, в этой аптеке ассортимент лекарств был очень ограниченный: порошки, капли, микстуры, которые готовились из целебных трав. За помощью к врачам обращались при тяжелых заболеваниях, а простуды и недомогания лечили домашними средствами. В каждом доме всегда были ежегодно обновляемые запасы липового цвета, малинового варенья, сушеной черники, ромашки, листьев подорожника, мать-мачехи, волчьих ягод и других трав и растений... Однако самым испытанным и надежным способом избавиться от простуды или недомогания явля-

лась баня с раскаленной каменкой. Хорошо попариться, потом бултыхнуться в пруд с ледяной водой или зарыться в сугробе снега, и опять, снова на парок. Суббота являлась традиционно баннным днем, а в неурочное время топили баню при недомогании.

Насколько мне известно, в городе было три адвоката. Вероятно, все три были практиками. Первым из них являлся мой отец Василий Николаевич Богданов. Другими адвокатами был Костюрин и Козлов. Первый жил в двухэтажном деревянном доме на углу Песчаной улицы, идущей к гимназии. Дом Козлова находился на улице, что шла от Соборной площади к вокзалу против шофов Гента. В те годы я, мальчишка, был вроде посыльного между этими тремя городскими юристами. Разносил подготовленные ими тексты их речей на предстоящих судебных заседаниях. Они часто выступали в уездном и губернском судах, и даже в Питере, в Сенате. Они всегда консультировались друг с другом, их общение являлось своеобразной коллегией адвокатов [в городе Порхове].

Хочу выделить из этой среды [купцов] Якова Карловича Иогансона. По своей натуре и характеру деятельности он являлся купцом и торговцем, но в тоже время это был энтузиаст-просветитель. Помню его красивый дом, срубленный «в лапу», который стоял на углу Смоленской улицы и улицы, идущей от завода Тютчева к набережной. По своей сути, этот дом представлял собой настоящий шедевр из дерева. Его [Я. К. Иогансона] магазин имел три отделения, разделенных альковами. Первый прямо от входной двери — канцелярские принадлежности и литература, направо — живые цветы в вазах и для букетов, налево — музыкальные инструменты и главным образом струнные. Обслуживали магазин сам Яков Карлович и его жена. Обычно они выходили к покупателю по звонку. Над торцом верхней части двери было установлено что-то вроде ксилофона, когда открывалась дверь, стерженек ударял по звонким трубочкам. [В этом магазине] было много различных и привлекательных товаров, но саму торговлю нельзя было назвать очень доходной. Бойко шли буквари, ручки, перья, резинки, линейки, грифельные доски. Детей привлекали переводные картинки и красочные миниатю-

ры, которые ребята наклеивали в альбомы, на книжки и в тетради. Труднее было распродавать литографии картин, солидные по содержанию книги, различные домашние украшения и музыкальные инструменты. И все же это был единственный в городе и уезде магазин — поставщик элементов культуры в быт населения. Яков Карлович был очень приветлив и доброжелателен к своим покупателям. У него можно было заказать нужную книгу или вещь, выписать журнал. Он доставал это в Пскове, Петербурге, Москве и всегда охотно выполнял все заказы. Особо следует отметить деятельность Якова Карловича, как краеведа и патриота Порховщины. Много лет он издавал фотооткрытки с достопримечательностями Порхова и его окрестностей. В нашей семье их хранилось несколько десятков штук. Не ограничиваясь красотами Порхова, Я. К. Иогансон на таратайке колесил по всему уезду. Не сохранились у меня, но хорошо мне запомнились некоторые его фотоснимки из «глубинки». Узкая, прямая с подъемом дорожка среди векового леса Сторожевой горы. Снимок, видимо, был сделан в праздничный летний день...

Своё внимание я могу сосредоточить только на наиболее известных и ярких людях. Одним из таких кумиров для мальчишек был Николай Быков. Он не являлся горожанином, родился и вырос в деревне Требеха Порховского уезда, что в верстах 10-ти от города. Появление его в городе никогда не происходило незамеченным. Он был очень высокого роста и возвышался над толпой, а о его силе шла правдивая молва... О росте Николая Быкова в моей памяти сохранился такой эпизод. Однажды я с отцом был на базаре на Соборной площади, и встретили этого великана, отец разговорился с ним. В это время к нам подошел еще какой-то мужчина, а в его руках была мерная палка сажени. Он, шутя, приставил ее к плечам Быкова:

— Ну, Николай, вымахал же ты почти на всю сажень.

Что было делать Николаю Быкову в крестьянстве с его великим ростом и непомерной силой? В его могучих руках соха, плуг, коса были детскими игрушками. Какой-то антрепренер, приезжавший в Порхов, смалил его в цирк, где Быков стал знаменитым

борцом. Тогда говорили, что он успешно выступал на международных состязаниях.

В городе жило немало верноподданных обывателей, к числу которых, несомненно, относился уездный воинский начальник. Воинское присутствие, как тогда называлось это учреждение. Оно находилось на левом берегу Шелони, возле моста на втором этаже деревянного дома, а первый этаж возведён из камня и кирпича. Так вот, этот воинский начальник, с одобрения городских властей решил отличиться в глазах своего руководства. Повод для этого нашелся редкостный — приближалось 300-летие дома Романовых. Воинский начальник «завербовал» десятка два мальчишек, которых одели в военную форму, учили ходить строем и отдавать честь. Этих «новобранцев» в городе называли потешными. Мы, например, мальчишки не видели среди потешных своих босоногих сверстников и друзей, т. к. команду укомплектовывали из ребят состоятельных родителей. А им было так лестно показать гостям сынишку, одетого в кадетскую форму. Над потешными мы стали издеваться, не давать им прохода, а вскоре и сама затея с ними лопнула.

Порхов — небольшой заштатный городок, и жизнь в нём текла тихо и мирно. Так казалось нам, подросткам. На самом же деле скрытно струились общественные страсти. Бурно происходили заседания городской думы, шла конкуренция между купцами. Всё теснее складывалось общественное общение прогрессивно настроенных горожан. Существовали десятки групп семей, часто проводивших вместе время за вечерним чаем, тогда не было правила распивать вино или водку. Хозяева и гости вели откровенный разговор, но это были чисто либеральные беседы. И я не слышал ни об одном случае, что полиция арестовала кого-либо за крамольные разговоры. Церковь и священнослужители, верующие исправно исполняли все обряды и усердно молились за здоровье и многие лета императора и всех членов царского дома. Городское общество мне представлялось гармоничным, в нём не было вражды, национальной розни, существовала полная веротерпимость к инаковерующим. А ведь общество было не однородным по своему составу, по имущественному положению

и национальной принадлежности. Наиболее обеспеченной частью населения являлись купцы, среди которых выделялись братья Зацкие. А все остальные по коммерческим масштабам являлись мелкотой — одна лавка, в которой он хозяйничал, да приказчик. Не складывалась в городе и промышленность, т. к. не было средств для закладки солидных предприятий. В уезде хватало такого сырья, как льноволокно, но велась только первичная обработка его кустарным способом, после чего его отправляли на текстильные фабрики страны. Жалкое существование влачила в городе небольшая шпагатная фабрика, ей не один раз приходилось менять свой профиль. Нерегулярно работал винный завод Тютчева, а в годы Первой Мировой войны он совсем бездействовал, т. к. не хватало сырья — заготовки картофеля у крестьян резко сократились. Единственным предприятием в городе, которое процветало, являлся кожевенный завод П. Зацкого.

Сословия города

В Порхове в городском обществе преобладало сословие мещан. Это мастерские промышленных предприятий, железнодорожной станции, базы горючих материалов братьев Нобель, служащие городских и уездных учреждений, торговцы, не имевшие гильдии, различные ремесленники и кустари. Я никогда не слышал, чтобы о ком-то из горожан отзывались, как о дворянине, поэтому в моём представлении дворяне, это люди, имевшие поместья. Были ли они в городе, сказать не могу. Чиновников, врачей, учителей я относил к первой категории, т. е. к мещанам. Из представителей мещан города избиралась Городская Дума. Главными предметами острых дебатов на заседаниях думы являлись наиболее рациональное использование бюджета города в интересах населения, правильное определение подворного самообложения для общественных нужд, вопросы благоустройства отдельных улиц, рассмотрение различных конфликтов и другое. Об этом я был осведомлён не понаслышке, из рассказов отца и даже часто бывал на заседаниях думы. Они всегда проходили вечером, и меня, 8–9 летнего мальчишку, отец брал с собой. Я обычно сидел в зале в сторонке, возле кафельной

печки. Городская Управа находилась в северо-восточной части Соборной площади на углу улицы, идущей к набережной. Дом двухэтажный, на первом — магазины, на втором — Управа. Широкая парадная лестница, гардероб в комнате швейцара. Затем зал заседаний с окнами на Соборную площадь и в сторону Шелони. Из зала [выходили] две двери, одна в кабинет городского Головы, в котором последний бывал очень редко. Вторая дверь в кабинет казначея Управы. Никаких отделов Городская Управа не имела. Казначей да делопроизводитель вели все текущие дела. Вся основная работа проводилась с помощью гласных и актива населения. Возможности городской Управы были очень скромными.

[Хочется сказать] о некоторых особенностях жизни и быта горожан. Праздношатающихся не было, в семьях детей с малых лет приучали к труду. Каждый взрослый должен был чем-то заниматься, иметь профессию, быть способным выполнять многие виды работ. Возможности устройства на постоянную круглогодичную работу были очень ограниченными, и кто её находил, цепко держался за обретенное место. В городских и уездных учреждениях штаты были малочисленные, и начинать карьеру приходилось с самой низкой ступени: рассыльным или переписчиком. Очень трудно было устроиться педагогом школы или училища, т. к. невелико было число самих учебных заведений, и в их штатах не предусматривались учителя по предметному обучению. В трёхклассных школах всего три учителя, один из них [являлся] заведующим. Каждый из них вёл свой класс с первого года занятий и до выпускного экзамена ... Должность учителя считалась почётной, все к ним относились с великим уважением. Трудились они на ниве просвещения до старости, а поэтому вакансии в школах появлялись редко. За три года в начальной школе мы получили какую-то сумму сведений по естествознанию, географии, русской истории, литературе, знали на память много стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Плещеева, Кольцова, должны были знать многие повести и рассказы русских классиков. Таким разносторонним обучением занимался три года один учитель. В реальном училище или гимназии обучение велось предметное, там, следова-

тельно, работало и больше педагогов. Но редко кто из городской интеллигенции попадал в эти учебные заведения. Сюда педагогов назначало Министерство Просвещения. О таких лицах из числа порховичей я никогда не слышал.

Не так просто было пробиться мещанам в приказчики к купцам. Крупных лавок существовало немного, большинство мелкие, обслуживаемые своей семьей. Но если кто и попадал за прилавок после многих лет работы на разгрузке и подносе товаров в торговое помещение, тот служил хозяину верой и правдой. За малейшую нечестность он выгонял его с работы и тогда уже в торговлю больше не суйся, никто тебя не возьмет. Основная масса мещан города — это мастеровые, ремесленники, кустари и мелкие предприниматели. К числу последних следует отнести людей, занимавшихся ломовым и легковым извозом, санитарной очисткой города, различными промыслами по дереву, металлу, портных... Плотники обычно работали небольшой, сложившейся артелью в три-четыре человека. Особенно славилась артель братьев Калашниковых. Уславливались о размере и форме дома, как рубить в угол или лапу, сколько окон и дверей будет. «А вот хорошо бы, — говорили мастера, — дать по фасаду венецианское окно. Сени рубленые или тесовые? Наружные стены — конечно под обшивку, внутренние в зале или гостиной сделаем под рубанок». Такие плотники, они же архитекторы и чертежники, сами набросают на бумаге план дома, предложат все, что может его украшать. Да, венецианское окно — это хорошо. Основная двухстворчатая рама и по фрамуге и по бокам. Внутренняя стена под рубанок — это прелестно, и какой она даст смолистый аромат в доме. Правда, каждое бревно надо обтесать, сделать его наружную часть почти плоской, а затем обстругать рубанком. Договорились о цене, сроке окончания работы — заказчик давал задаток, потом он лишь навевдался на стройку, чтобы узнать, что еще нужно из материалов. О качестве работ он не беспокоился, знал, что все будет сделано на совесть. Именно в этом-то — работе на совесть и заключался престиж лучших мастеров, кто допускал брак, тот был обречен лишиться заказов.

Казалось бы, все домохозяйки умеют печь хлеб и булки, и поэтому не могло быть большого спроса на эти изделия в торговле. Но дома пекли булки не каждый день, а только в воскресенье по двум причинам: не хватало времени часто заниматься этим, крупчатка для всей семьи не напасешься. При необходимости всегда можно было купить горячие изделия и особенно вкусные выборгские калачи в булочной Ермолаевой. На рынке Соборной площади ежедневно шла бойкая торговля ситным хлебом. На Сенной площади стоял длинный кузнечный ряд. С утра и до ночи не умолкал здесь перезвон молотов и наковален. В то время промышленность страны не могла обеспечить население всем, что было необходимо для хозяйственного домашнего обихода. Простая вещь соха, деревянную основу ее крестьянин делал сам, а вот без нескольких металлических деталей изготовленных кузнецом, сохи не будет. Перед жатвой серпы сносили в кузницы, здесь на точиле сначала лезвие доводили до бритвенной остроты, затем зубилом делали насечку зазубрин. Кузнечный ряд на Сенной площади по наличию здесь мастеров высокой квалификации, количеству горнов и наковален, по праву можно было бы назвать главным кузнечным цехом Порховского уезда. Сельские кузнецы не могли соперничать с ними, поэтому сюда поступали самые сложные для исполнения заказы, особенно от помещиков и купцов. Это, например, художественные ограды для особняков, изящная оковка и отделка выездных праздничных санок на деревянных и железных полозьях, карет и экипажей. Отношения между заказчиками и исполнителями строились на основе взаимного доверия и честности. Не существовало никаких квитанций или расписок. Для памяти мастер записывал фамилию заказчика, что нужно изготовить и к какому сроку. Правда, в одном промысле я знал очень оригинальную квитанционную систему. Речь идет о мастерах выделки дубленых и черненных овчин. В деревнях Требеха и Требешнина [использовали такую систему] несколько семей. К ним приносили овчины, они их пересчитывали, потом брали небольшую палочку и делали на ней зарубки по числу овчин. Палочку расщепляли, одну половинку привязывали к связке

овчин, вторую отдавали их владельцу. Когда заказчик приходил за готовыми овчинами, мастер находил его связку и складывал две половинки палочки, они плотно сходились по всем щербинкам расщепа. Такую «квитанцию» подделать было невозможно.

Наиболее богатыми купцами в Порхове являлись братья Зацкие, Захаровы, Фуфаевы, Кожевников, Ванюков, Фишер, Кагот, Бажбауер, Капустин, Манухин, Абкины и другие фамилии, которых я уже забыл. Все они имели поставщиков из Питера и Москвы и других городов. Поставщики выполняли любые заказы, но спрос из-за низкой покупательской способности населения был невелик. Покупали лишь самое необходимое, поэтому вырваться на широкий простор наши купцы не могли. [Мешала развитию] и конкуренция со стороны петербургских фирм братьев Перловых, которые открыли в Порхове богатейший бакалейный магазин. Обслуживание покупателей исключительное, цены на все продукты ниже, чем в других магазинах города. Затем в городе появилось два салона: один по продаже швейных машин фирмы «Зингер», другой по продаже граммофонов. И что, интересно, эти изделия продавались в кредит. К такому порховские купцы не были готовы, так как их основная форма общения с покупателем: товар — деньги, и новую форму торговли [в кредит] они не приняли. Правда, во всех продовольственных лавках существовали заборные книжки. Кого владелец лавки хорошо знал, тому при необходимости он отпускал товар в кредит. Глухие боковые и высокие стены домов были расписаны яркой рекламой: «Коньяк Шустова», «Пейте чай Высоцкого», «Лучшая мука Башкирова», «Покупайте керосин бр. Нобель», «Пользуйтесь мраморным мылом Жукова» и рекламой других широко известных в стране торговых фирм. И не только реклама, как высокое качество товаров обеспечивали большой спрос на них... Белой муки Башкирова тонкого помола и крупчатки хватало во всех бакалейных лавках. Ее поставляли расфасованной в полотняные мешочки весом от нескольких фунтов до пуда. Чай Высоцкого различных сортов из разных стран, и опять-таки в изящной упаковке. Особенно в этом деле отличалась петербургская фирма Жорж

Борман. Свои изделия она укладывала в причудливые металлические коробки, например, в виде избушек и теремов. Печенье съедали, а теремок долго служил ребятам красивой игрушкой. Каждый кусок мыла Жукова был завернут в этикетную бумажку с фирменным знаком — крупным пауком. По виду мыло действительно выглядело мраморным, с глубокими прожилками.

Из всех порховских купцов выделялся Петр Зацкой. Его обширный магазин находился в торговых каменных рядах на Соборной площади. В нем можно было приобрести все, что необходимо для хозяйственного обихода, в том числе даже охотничьи ружья, дробь и порох. Пожалуй, что в руках Зацких находилась в уезде вся торговля скобяными изделиями и кожевенными товарами. Они отпускали в кредит товары многим сельским лавочникам. В тылу торговых рядов на берегу Шелони стоял огромный трехэтажный каменный склад. Меня еще тогда удивляла прочность этого сооружения — перекрытия между этажами были сделаны из монолитного бетона. Заливка его производилась на опалубку, уложенную на кружала, и перекрытия имели сводчатую форму. Склад был набит различными товарами, и казалось, что им ничего не угрожает. Но однажды в 1911 или 1912 году вспыхнул пожар, небывалый и невиданный нами до этого. Почти трое суток пожарные боролись с огнём, им удалось локализовать пожар, отстоять торговые ряды, соседние складские помещения и несколько близко расположенных зданий. В то время очень опасались за подвалы склада, где располагались большие запасы пороха. Надо сказать, что от этого пожара П. Зацкой не пошатнулся. Видимо, всё у него было солидно застраховано, и склад был быстро восстановлен. На окраине города вниз по реке П. Зацкой имел два завода: кожевенный и кирпичный. Для того времени кожевенный завод являлся крупным и хорошо налаженным предприятием, выпускающим кожи высокого качества (по данным Статистического обзора Псковской губернии за 1909 г. на кожевенном заводе Зацкого трудилось 65 рабочих, а годовая сумма производительности равнялась 200000 руб. — М. В.). Но, между тем, всеми

делами на заводе управлял всего один мастер Иван Васильевич, который жил в конце Петербургской улицы недалеко от железнодорожного переезда. Бывал я на этом заводе, ведь куда не заведёт мальчишеская любознательность. Помню просторное помещение основного корпуса завода. В нём глубоко в землю были закопаны огромные деревянные чаны. В них замачивали кожи, вытаскивали и снова опускали туда, меняя растворы для дубления, хромления и окраски кожи. Прокатка кож производилась механическими валками. Пожалуй, Зацкой являлся монополистом в городе по выделке кож, все кустари, сапожники и шорники работали на его сырье... Большой доход от выделки кожевенного производства П. Зацкой имел в годы Первой Мировой войны, прежде всего от крупных поставок выделанных кож на нужды армии. А второй источник прибыли — военное ведомство обязало всех кустарей-сапожников шить сапоги для армии, кожевенными товарами их обеспечивал также Зацкой.

Его кирпичный завод находился рядом с кожевенным. Большинство операций выполнялось мускульной силой. Глину из карьера на площадку подвозили в вагонетках. Лошади приводили в движение формовочные прессы. Залежи глины являлись редкостными по своему качеству и техническим свойствам. Глина имела тёмно-красный цвет, эластична и плотна в формовке. Кирпич из неё получался красивым, не требующим отделки. Здание украшали цвет, монолитность кирпича и мастерская раздела швов в виде шнура. Из такого кирпича было построено самое красивое здание в городе — женская гимназия. Не знаю, чем объяснить тот факт, что кирпич Зацкого так мало использовали для строек города. Причины могут быть разные: недостаточная мощность завода, к тому же и сезонность его работы, высокая стоимость кирпича в сравнении с другими материалами, возможно, сбыт его в другие города более состоятельным покупателям. Такой кирпич больше всего годился для дворцов и особняков. Горожане же могли обойтись и без роскошного кирпича Зацкого. В уезде в деревнях многие крестьяне умели формовать и обжигать добротный кирпич, и в достаточном количестве привозили его на рынок.

Было в Порхове еще несколько крупных купцов, к числу которых относились Кожевников и Ванюков. Их крупные магазины размещались в лучшей части торгового ряда и торговали текстильными изделиями. На полках лежали груды всевозможных тканей: шерстяных, шелковых, бельевых, сукна, бархата, парчи и т. д. Конкурентов в городе и уезде эти купцы не имели. Насколько я помню, новых торговых лавок при мне не открывалось, многие годы торговлю вели одни и те же семьи, их предприятия имели наследственный характер и становились фамильными. Не менялось место расположения лавок и избранный профиль торговли. Так, Жагот и Фишер продавали галантерейные материалы, Бажбауэр — хрусталь, фарфоровую и фаянсовую посуду, художественные изделия. Фрейнцидорф, владевший на Смоленской улице большим и малозастроенным участком, имел здесь колбасный магазин, являвшийся единственным колбасным магазином в городе. Брунов торговал бакалеей, к тому же, живя на Песчаной улице, оборудовал там копильню и получал много заказов на копчение окороков. Ведь перед Рождеством и Пасхой почти в каждом дворе резали свинью. Большинство лавок города торговало продовольственными товарами, но не было ни одной лавки по продаже изделий из дерева — мебель обычно заказывали местным столярам. Простейшие предметы домашнего обихода из дерева всегда можно было приобрести на рынке. Все лавки и магазины находились главным образом на Смоленской, частично на Петербургской улицах, и в зданиях, окружающих Соборную площадь. На этой площади стояли и каменные торговые ряды. Для пешеходов они имели крытую галерею для проходов. Параллельно каменному ряду за проезжей частью дороги стоял деревянный торговый ряд с выходом лавок на обе стороны, в которых торговали всякой всячиной. Несколько рядов столов для торговли крестьян находились вдоль восточной части соборной ограды. Также в городе в городе было два рынка. Первый на Соборной площади — здесь шла торговля мясными и молочными продуктами, льном, зерном, овощами, фруктами, ягодами и грибами. В общем, всем, что необходимо для постоянного

потребления. На рынке Сенной площади населению предлагалось практически все. Для строительства жилья, построек и их ремонта — бревна, тёс, половые доски, гонт, щепа, кирпич, жерди. Для корма домашнего скота — сено, клевер, солома, жмыхи, отруби, фуражное зерно. Здесь можно было приобрести живой скот и птицу. Очень много производилось различных изделий крестьянских промыслов: телеги, колеса, ступицы, дровни, сани, детские саночки, корзины и лукошки из бересты, тонкой сосновой дранки, из ивняка, тонких корней болотных сосенок. Особенно разнообразны были изделия из бересты. Любопытны некоторые детали рыночных отношений. Картошку, рожь, овёс, ячмень продавали и покупали на гарнцы и мерки, лук на вязанки. Гарнцы и мерки — круглые сосудобразные металлические меры с государственным клеймом. Точность веса они не гарантировали, вес зависел от того, что измеряется. Сено, солому ржаную [продавали] в снопах или из под молотилки навалом, а вот яровую в пунктах покупали на возы. По мелочи много взвешивалось на безмене, с которым продавцы продуктов приезжали в город. На обоих рынках находились важни, так тогда назывались весовые. Они имели большие коромысловые весы, положи на одну чашу три мешка ржи пудов на 15-ть, а на вторую чашу надо было класть столько же пудов чугунных гирь. Не один раз доводилось мне наблюдать, как происходила скупка зерна и семян льна. Этим занимались специальные скупщики от крупных заготовителей. Каждый такой скупщик носил с собой длинную иглу с желобком, прокалывал ею мешок и брал пробу. Зерно высыпал в ладонь, подсчитывал количество зёрен, ведь он-то знал вместимость желобка для зёрен различного налива, проверял нет ли примесей и сора, и находил «доказательства» для того, чтобы сбить цену. Для дров принятой мерой были 12-ти вершковыи поленья. Горожане ценили берёзу и чёрную ольху, а вот сосна и ель менее ценились, избегали осину. Дрова горожанами запасались так, как было более удобно, т. к. этот товар всегда был на базаре, да и со знакомыми крестьянами можно всегда договориться о поставке из лесной деревни нескольких квадратных саженой дров. Неотъемлемым товаром явля-

лись разные по размеру бочки и кадушки для засолки огурцов, грибов, квашения капусты, замочки брусники. Ведра, корыта, ушаты, шайки, дуги разных размеров и различного назначения — простые по отделке и расписные. Так как для упряжки с легким грузом и дуга должна быть легкая, с тяжелым — более массивная и прочная. На рынке было очень много гончарных изделий. Откуда крестьяне-землепашцы брали материал для кустарных изделий? Многие сельские общины имели большие лесные массивы и относились к ним очень бережно. Никто не допускал в них самовольных порубок. В общинном лесопользовании существовала строгая система наделения крестьян древесиной. На созревшем участке проводилась точная таксация каждого дерева, затем их распределяли по каждому двору, нарезали делянки. Крестьянин был волен рубить свою делянку или оставить на корню. Такой порядок, например, я наблюдал в деревне Осетище. Расположенная недалеко от города, эта деревня имела сосновый бор, разрезанный на две части дорогой от Порхова к Нестрино. Правую сторону берега разбили на делянки, некоторые крестьяне их срубили, но многие не тронули, и получилось нечто вроде поля с несжатými колосками. Много общинного леса имела деревня Поляны.

Характер торговли чаще всего определял лицо заведения и внешний облик его владельца. Так, купцы Кожевников и Ванюков были невысокого роста, умеренно упитанные. Всегда они были одеты по моде и их, пожалуй, можно отнести к числу европеизированных коммерсантов. Такого же, примерно, типа являлись купцы Жагот, Фишер, Бажбауэр, Зайцевы и Фуфаевы. Не могло на них не отразиться частое общение с петербургскими и московскими фирмами. О Якове Карловиче Иогансоне я уже говорил, по натуре он являлся интеллигентом-просветителем. Петр Зацкой постоянно общался с грубыми товарами и большой массой покупателей из деревень. Отсюда и этикет в лавке иной, и в облике хозяина не было таких черт, как у галантерейщиков. Одевался он просто, ведь он сновал и по лавке и огромному складу, где ничего не стоило испачкать хороший костюм. Обслуживание во всех лавках было чутким и внимательным.

В небольшом городе иначе и не могло быть, где почти все знали друг друга.

Таким был город

Порхов являлся довольно культурным уездным городом, и в меру возможности, достаточно благоустроенным. Лучшими улицами города были Петербургская, Песчаная и прилегающие к ним. Значительная часть улиц города, в особенности те, которые выходили за пределы города, являлись мостовыми из булыжного камня. Эти мостовые создавались долго, т. к. денежные средства у городской Управы были ограниченные, да и самого материала — гравия и камня не хватало. Необходимого для мостовых булыжного камня в округе не доставало, а который имелся, был давно собран крестьянами с полей и отвезён в город к местам строительных работ. Постоянным укором для городской Управы являлись три злосчастных улицы в черте города, которые во время ненастья превращались в трудно преодолимые участки ... Можно лишь представить, сколько проклятий сыпалось на головы городских властей, которые ничего не предпринимали, чтобы привести эти дороги в порядок. В целом бездорожье было тяжким бедствием всего уезда. Знал я дороги, имевшие на многие версты гати из хвороста, жердей и тонких бревен. Все это ходуном ходило под колесами, ломались телеги, калечились кони. Многие дороги летом были значительно длиннее, чем в зимнее время, так как приходилось делать крюк и объезжать непроходимые места.

В каждом городе есть своя точка отсчёта расстояний. В Порхове такой точкой являлась Соборная площадь. Здесь начинались и скрещивались все осевые направления, которые в черте города были замощены, а за его пределами превращались в грунтовые дороги. На север, через Пятницкую слободку, шла дорога в сторону Сухловской волости — в довольно населённую часть уезда. На этой дороге было одно загадочное место, о котором ходили различные легенды. По бокам на участке дороги плотно росли сосны, а сама дорога имела резкий поворот, который упирался в небольшой водоём с обрывистым берегом. В то время в народе говорили, что он бездонный и в нём погибло много людей.

Возможность трагедий подобного рода вполне могла существовать. Кто-то с разгона, да ещё под хмельком мог повернуть тройку или упряжку к этому провалу и сгнуть в нём, так как лошадей с ходу не остановишь, а свернуть мешали сосны. Вскоре поворот к провалу закрыли глубокой канавой. Наиболее удобным в любое время года являлся тракт от деревни Попадинка к погосту Карачуница и далее в Вольшово и Дедовичи. Прочность этому тракту обеспечивали благоприятные природные условия, хороший водосток и близость к отрогам Валдайской возвышенности. Сама местность там изумительно красивая, тракт проходил через могучие леса. Третий, Старорусский тракт за городом тоже проходил через песчаные дюны. На правой стороне их находилось заброшенное турецкое кладбище — здесь были похоронены умершие от ран и болезней военнопленные периода русско-турецкой войны за освобождение Болгарии. [С этим трактом связана] ещё одна легенда. На опушке Полонского леса стоял большой, хорошо сохранившийся одноэтажный деревянный дом, но в нем никто не жил. Это место называли «Грабиловка». Ходила такая легенда, что тут когда-то находился кабак. Дорога бойкая, проезжих много, и особенно в базарные дни. Кабатчик спаивал мужиков, а дальше они попадали в лапы связанной с трактирщиком шайки грабителей. Когда накрыли всю банду и сослали на каторгу, дом оказался заброшенным, но долго еще поздно вечером или ночью проезжие мужики остерегались в одиночку проходить или проезжать мимо него. Такую версию о «Грабиловке» я случайно услышал от одного полицейского, конвоировавшего группу заключённых.

Ряд улиц города, и особенно на правобережье, не имело мостовых. Пожалуй, в этом не было острой нужды, так как водосток хороший, грунт прочный и чаще всего песчаный. Летом обочины улиц густо зарастали травой, и в первую очередь далматской ромашкой. Подводы по этим улицам проезжали редко, поэтому такие улицы являлись для детворы спортивными площадками и местом для развлечений и игр. Тротуары из известковых плит имели лишь центральные улицы, на набережных тротуары были про-

ложены лишь с одной стороны, вдоль стен домов. Во избежание несчастных случаев на набережных были установлены бревенчатые перила. На многих улицах обходились вообще без тротуаров и ходили по протоптанным тропинкам. Город имел две хорошие аллеи. Каштановая проходила чуть правее осевой линии Сенной площади, начиналась почти от Смоленской улицы, и шла по прямой в сторону выхода к деревне Попадинка до городской почты. Тогда почта находилась далеко от центра города в большом деревянном барском доме в глубине вековых деревьев. Одним из организаторов посадки каштановой аллеи был мой отец — тогда гласный Городской Думы. Надо полагать, что аллея была заложена в конце прошлого века, т. к. я помнил её уже поднявшейся на пять — шесть метров. Вторая аллея была посажена на правой стороне мощеной булыжником Железнодорожной улицы от её начала до вокзала. [В этой аллее росли] деревья разных пород: липа, клен, ясень. По возрасту она являлась немного моложе каштановой. В этих аллеях всегда в хорошем состоянии поддерживались гравийные дорожки. На правой стороне Железнодорожной улицы, между усадьбой учителя приходской школы Я. К. Фёдорова и домиком начальника станции Морошкина, находился просторный пустырь. Из-за переувлажненности этого участка строений здесь не производили. На пустыре произрастала тополевая роща, и располагался пруд, до краёв наполненный водой. На север от полотна железной дороги местность шла возвышенная и грунтовые воды не давали о себе знать.

В городе освещались лишь немногие участки: Петербургская, Смоленская и Песчаная улицы, Соборная площадь и улица от моста к Покровской церкви. Всего было установлено полтора — два десятка фонарей с газовыми горелками. Фонарь имел длинную цилиндрическую форму и подвешивался на высоком столбе к кронштейну с блоком. По вечерам фонарщик опускал его к земле, наполнял керосином, зажигал горелку и поднимал фонарь вверх. Утром приходил и гасил его. Остальные улицы города никакого освещения не имели. Городская Управа пробовала решить проблему освещения улиц следующим образом: среди горожан провели

самообложение. На эти средства на улицах на большом удалении друг от друга поставили столбы с фонарями и обычными керосиновыми семилнейными лампами. Вечером фонарщик с лестницей на плече обходил эти точки, наливал керосин и зажигал лампы, а утром гасил их. Такое освещение появилось в городе перед Первой Мировой войной, но надолго не прижилось. Об электрическом освещении мы имели лишь некоторое представление. Примерно в 1912–1914 годах электричеством в городе начали освещаться два дома: Тютчева, возле его винзавода, и Кожевникова в конце Петербургской улицы. Мы смотрели на это, как на чудо. Но потом такое сияние в их домах погасло — даже для таких состоятельных горожан электрическое освещение являлось слишком дорогим удовольствием. К тому же в городе трудно было найти механика, умеющего обращаться с двигателем и динамо-машиной.

Воды в Порхове хватало, но к использованию ее горожане относились осмотрительно. Следует сказать, что в то время ни один дом в городе не имел водопровода и канализации. Каждый должен был сам заботиться о воде и вывозе нечистот. Вода в Шелони предназначалась для тушения пожаров и различных хозяйственных потребностей. Для пищевых целей ее не употребляли. Река являлась слабопроточной и вследствие этого почти застойной, кроме того, хоть и незначительные, но загрязнения в реку поступали с винзаводов и городской бани. Городская управа поддерживала в надлежащем состоянии береговые спуски для набора воды в пожарные баки. После половодья на реке устанавливалось несколько плотов на привязи для стирки и полоскания белья. Почти на каждой улице и на многих усадьбах имелись колодцы с хорошей родниковой водой. Особенно знаменит был Ивановский колодец, который находился недалеко от Сенной площади на улице, идущей к кладбищу. Этот источник был просто неиссякаем, обеспечивал вкусной водой всю центральную часть города. Водовозы один за другим подъезжали к нему и с помощью ручного насоса наполняли водой бочки и развозили её по домам и учреждениям. Рядом с этим колодцем стояла небольшая деревянная часовенка. Небольшой участок Сенного рын-

ка природа наградила могучими родниками. На винном заводе Тютчева неглубокая скважина давала столько воды, что её хватало бы на полгода. Чтобы избавиться от затопления окружающих строений, пришлось по трубам сбрасывать её в Шелонь. На Смоленской улице в нескольких десятках метров от винзавода сильный подземный источник пробился из-под первого этажа дома. Заглушить его и справиться с ним не могли. Пришлось забросить жилое помещение.

Говоря о санитарном состоянии города, необходимо отметить, что почти весь город являлся частновладельческим, государственных зданий было не так уж и много. Городская управа содержала несколько дворников, которые подметали центральные улицы и площади. На остальных улицах за чистотой были обязаны следить сами домовладельцы. Городовые являлись своего рода ещё и санитарными инспекторами. Они регулярно обходили улицы и напоминали жителям об устранении какого либо беспорядка. Вообще, тогда существовали совершенно иные санитарные нормы и правила, значительно меньше было источников загрязнения. Не всё считалось грязью и сором. Вот, например, прошло с поля по улице стадо коров, а летом это туда и обратно гоняли дважды в день. Оставят коровы на дороге свои «лепёшки», и никто не бросится их убирать. Это же не центральная улица, а окраина, а здесь ко многому отношение как в деревне, да и сам быт схож с деревенским. Если есть какой тротуар, хозяин его подметет, ну а что дорога, она вроде Божья, появится на ней какой сор — дожди идут часто, смывают. Я хорошо знал окрестности города, но вот мусорных свалок нигде не видел. Куда же девался мусор? Задворки у всех были большие, вот и сжигали или закапывали мусор и нечистоты.

Горожане любили свой город и стремились к тому, чтобы он был красивым и привлекательным. Широкие улицы позволяли сажать деревья и устраивать палисадники, которые были практически перед каждым домом. Каждый старался сделать свой домик чем-то отличающимся от других, украшал различными наличниками на окнах, фигурами зверей или птиц на коньках крыши. Заветной мечтой многих хозяев являлось обшить

дом не широким тёсом, а «вагонкой». Такой узкий тёс предназначался для товарных и пассажирских железнодорожных вагонов. Делали его из сухого выдержанного хвойного леса и из первого бревна, которое не имело сучков и разрыхления. Вагонку выпускали в Пскове, где один лесопильный завод охотно продавал ее населению с доставкой от места погрузки до станции назначения.

Центральная часть Порхова была застроена плотно, почти дом к дому, что иногда [в случае пожара] приводило к большой беде. Против Никандровского подворья вверх к кладбищу находился большой пустырь. Здания на этом месте уничтожил пожар, возникший ещё в начале века. При моей жизни в Порхове так это место и оставалось пустырем. Второй большой пожар произошел в городе перед Первой мировой войной. В сухую летнюю пору на Петербургской улице днем загорелся двухэтажный деревянный дом Медведева. Место Медведев имел бойкое — за углом Соборная площадь с её частными базарами и ярмарками, поэтому он держал большой постоялый двор. Надо сказать, что в городе насчитывалось более десятка таких удобных для крестьян пристанищ. В них приезшему предоставляли ночлег и пищу, а его лошади стойло и корм, плата взималась умеренная. Владельцы постоялых дворов имели своих постоянных клиентов и хорошим обслуживанием привлекали их к себе. Пожар, начавшийся во дворе Медведева, пошел гулять по левой стороне улицы, потом за магазином Перлова перекинулся на правую сторону. Сгорело несколько домов, в том числе двухэтажное каменное здание частной аптеки. После пожара ничего здесь вновь не поднялось. Я уехал из Порхова в 1930 году, пустырь оставался незастроенным.

Раньше я говорил о скудном бюджете Городской Управы. Ей едва хватало средств на текущие расходы по содержанию самого необходимого. Поэтому город так медленно благоустраивался, не возводилось новых общественных зданий. При мне за многие годы жизни в городе, Управа смогла построить лишь одно такое здание — новое пожарное депо. Следует сказать, что это депо построили на высшем для того времени уровне. Красивое, просторное, с большим

залом на втором этаже. Тогда в Порхове это был лучший двухсветный зал. Прежде чем завершить описание облика старого Порхова, мне хочется рассказать о Сенной площади и ее давно исчезнувших строениях. Каштановая аллея делила площадь на две части: по центру — проезжая часть от Смоленской улицы к Попадинке, справа и слева от дороги торговали с возов скотом. Площадь не имела правильной формы, на ее южной окраине находился кузнечный ряд, о чем я уже писал, ниже — портьерная и важня. Правая от аллеи, меньшая [по размеру] площадь не являлась торговой, а если её и использовали для этой цели, то в дни очень большого привоза. На правой стороне находилась кирха и уступом от нее большой каменный пакгауз, где хранилось военное оружие. А возле этого склада стояла полосатая будка. Однако нравы в городе были настолько доверчивы и патриархальны, что склад не охранялся и не был даже огорожен. Мимо этого пакгауза проходила улица с площади к Ивановскому кладбищу. В юго-западном углу площади — одноэтажная деревянная П-образная казарма для конной полиции и стражников. За казармой [располагалась] большая каменная конюшня для лошадей этой конной стражи. На случай пожара конюшня имела несколько широких двухстворчатых дверей. При попустительстве начальника, стражники наклеивали на них бумажные мишени и занимались учебной стрельбой из громоздких пистолетов системы «Смит и Вессон». После их стрельбы мы, мальчишки, бросались к этим дверям и выковыривали пули. Дело в том, что они были сделаны не из металла, а из какой-то спрессованной черной смеси и имели особенность медленно гореть, разбрасывая мелкие искры, вроде маленького фейерверка. Вот и носились мы с такими «зажигалками» по улице. Пехотный гарнизон появился в Порхове только во время Первой Мировой войны, что же касается конных стражников, то надо полагать, что они относились к регулярным частям Министерства Внутренних дел и службу в них проходили по призыву. Стражники находились на казарменном положении, что исключало добровольный характер их службы. В городе эти стражники только квартировали и не занимались полицейски-

ми делами. Они с командирами разъезжали по уезду, ведь мира между крестьянами и помещиками никогда не существовало. После революции 1905 года деревня притихла, но не покорила. По «неизвестным» причинам в дворянских поместьях возникали пожары, горели барские усадьбы, помещичьи стога хлеба и сена. Особой строптивостью и непокорностью в уезде отличалась Сорокинская волость, за что ее прозвали «разбойничьей». Даже очередной призыв на военную службу и доставка новобранцев из волости на сборный пункт в Порхов являлись для уездного начальства серьезной проблемой. Выделялись усиленные наряды стражников и городских. На всем пути следования мобилизованных до пункта сбора в Порхове закрывали питейные заведения, но всё равно без греха редко обходилось. И тогда по всему маршруту разносилась буйная и горькая песня «Последний нынешний денечек» ...

Городское общество

Внешне общество выглядело довольно-таки привлекательно. Жили дружно и охотно помогали друг другу, в обществе не возникало серьезных конфликтов. Между тем, эти хорошие признаки не могли скрыть того, что общество совсем не монолитно по имущественному цензу. Различные сословия, проживающие в городе, также не были однородными, в каждом из них просматривалась верхушка, середина и низ. Главенствующая роль в обществе принадлежала наиболее важным в масштабах города и уезда чиновникам. К числу таковых чинов относились: уездный исправник, председатель земской управы, полицмейстер, уездный воинский начальник, городской голова, уездный судья, управитель уездного казначейства, настоятели Троицкого и Покровского соборов, официальные попечители по народному образованию. Роль дворянства не ощущалась. Большинство дворян проживало в своих поместьях, но все они приезжали на выборы уездного предводителя. Избранный ими предводитель мог также жить вдали от Порхова и в жизнь городского общества он почти не вникал. Утверждать не буду, но я никогда не слышал и не знал в городе ни одной дворянской усадьбы, но видимо, некоторые дворяне жили в Порхове,

но настолько скромно, ничем не выделяясь, что мы не замечали их. Купечество на свою кажущуюся самостоятельность не являлось независимым. Оно подчинялось чиновникам и стремилось им угодить. Но купец купцу рознь. Первогильдейных насчитывалось не так много, преобладала вторая гильдия, третья — это уже мелкие лавочники. Данные о купцах не являлись ни для кого секретом. В каждой лавке под стеклом висел патент на право торговли, в котором указывалось, какому купцу и какой гильдии он выдавался.

В городе существовало несколько культурно-просветительских точек. Первая из них, клуб и сад Бухарова на левом берегу Шелони, рядом с земской управой. Сам Бухаров являлся владельцем поместья Нестрино по дороге на Псков, в пяти верстах от Порхова. Вглубь сада в стыке к дому находился зрительный зал, размер его был невелик, человек на 120–150. Всё в этом заведении было обставлено со вкусом. Зеркала, ковры, картины, цветы в кадках. На просторной площадке лестницы стояло чучело огромного медведя с большим блюдом в лапах. На второй этаж вела лестница, где располагался изысканный ресторан. Сад был длинным, но узким, в нем разбиты дорожки, [по краям которых] стояли скамейки. В камерной постройке находились двигатель и динамо-машина. В вечернее время здание и сад освещались электричеством. Оно использовалось и при демонстрации кинофильмов. В клубе Бухарова выступали приезжие артисты сцены, проходили концерты, проводились лекции и доклады. Вряд ли Бухаров имел какой-то [значительный] доход от своего городского заведения. Мне он представлялся просветителем типа Иогансона с очень ограниченными материальными возможностями.

Просторным и общедоступным являлся сад Севастьянова, расположенный недалеко от Спасской церкви. Его владелец построил здесь большой деревянный летний театр и раковину для музыкантов. В летние вечера в саду проходили народные гулянья. В театре ставили спектакли и делали концерты гастролирующие по стране артисты и музыканты. Особенно оживленным этот сад стал в период пребывания в Порхове 120-го запасного полка в годы Первой Мировой войны. По ве-

черам его духовой оркестр часто играл в саду. Самодеятельный полковой драматический кружок развлекал нас спектаклями на сцене театра. На спектакли привозили солдат полка, много места в зале отводили горожанам. В репертуаре преобладали пьесы комедийного характера. Особенно смешило горожан, когда на сцене некоторые женские роли исполняли солдаты или унтер-офицеры. Тогда еще не существовало слова «кинотеатр», все его называли «синематограф». Первое такое зрелище появилось за два года перед Мировой войной и называлось оно «Фантазия». Находился синематограф на правой стороне Петербургской улицы недалеко от магазина Перлова. Фасад «Фантазии» торцом выходил на линию улицы, а само здание снаружи и внутри было красиво оформлено. Перед началом сеанса несколько дюжих парней уже дежурили возле машинного помещения. Эти добровольцы прокручивали большой маховик двигателя динамо-машины — так запуск тогдашней техники проходил каждый вечер. За эту помощь механику здоровяков бесплатно пропускали на сеанс. Большие ленты в четыре — пять частей появлялись на экране очень и очень редко. Обычно демонстрировали два — три короткометражных фильма, они были немыми и даже без титров, а перед экраном за роялем сидел тапер для музыкального сопровождения картины. Серьезных фильмов мы не видели, все они, как правило, имели развлекательный характер с различными трюками, что вызывало хохот зрителей. В целом горожане любили ходить в «Фантазию», но огорчало лишь то, что зрительный зал был невелик и не мог вместить всех поклонников нового искусства. В начале Первой Мировой войны синематограф закрылся, а на его месте обосновался военный склад.

Было в городе ещё одно общественное увеселительное заведение. Один предприимчивый человек, фамилии которого я не помню, основал в городе беговой ипподром. Он находился на правом берегу Шелони перед путевой насыпью, возле железнодорожного моста. Всё было оборудовано: конюшни, беговые дорожки, трибуны. Но дело не пошло, в городе не нашлось достаточного количества любителей состязаний для того, чтобы обеспечить рентабельность ипподрома. Большое

оживление в жизнь города вносила осенняя ярмарка. Прежде всего, она поражала всех обилием всевозможных товаров и продуктов. Торговать сюда приезжали купцы из многих городов страны. Часть Соборной площади от важни до старого пожарного депо отводилась для балаганов бродячих трупп артистов и для карусели. Перед началом представлений народ потешали зазывалы, в балагане забавляли Петрушка и клоуны. Аналогичным образом все горожане от мала до велика участвовали в гуляньях на масленице. Веселая это была неделя, все у кого были конные упряжки, украшали дуги лентами, а санки домоткаными дорожками. Конный кортеж почти след в след циркулировал по центру города с поворотом на Сенной площади и в конце Петербургской улицы. Город часто навещали шарманщики — это бродячее племя топало пешком по всей стране, собирало дань и в деревнях. Опустит с плеч свой инструмент на одноногую подставку и начинает накручивать незатейливые мелодии. Но, пожалуй, не эта музыка привлекала людей к странствующему человеку. Шарманщик имел обширный набор различных «предсказаний». Уплатишь ему несколько копеек, и прирученный им попугай или морская свинка вытащит из ящика многообещающий пакетик. Доверчивых людей хватало, и особенно среди женщин, промысел, как видно, приносил доход и поэтому шарманщики не переводились.

Следует рассказать о городской интеллигенции и её роли в жизни общества. Её немало жило в Порхове, и к ней горожане относились с уважением. Не знал я среди интеллигентов забулдыг или тех, на кого махнули рукой, каждый из них являлся примером порядочности, вежливости и внимательности к людям в сфере своей службы. Кроме исполнения своего служебного долга, интеллигенция могла бы приносить большую пользу и на общественном поприще. Ведь сколько среди нее было людей начитанных, хорошо знающих и причастных к гуманитарным наукам. Их лекции нужны были народу и их охотно слушали бы. Но не было этого, интеллигенция стояла в стороне от такой общественной работы. И, пожалуй, что в этом её вины нет. Не существовало тогда никакого организованного начала для творческого объединения

интеллигенции. Не существовало и условий для тесного и коллективного общения людей умственного труда, они могли встречаться лишь на работе в своих небольших учреждениях, да случайно на улице. Исключим клуб Бухарова, который если и предназначался для деловых коллективных встреч, то только для дворянства. Порховской интеллигенции негде было собраться и сообща обсудить свои насущные задачи и вопросы городской жизни. Главная беда в том, что если и были благие намерения, то поддержки ни от кого получить было невозможно. Городское и уездное начальство косо смотрело на всякое поползновение нарушить установившееся течение жизни.

Первая Мировая война

Разговоры в Порхове о возможности войны возникли значительно раньше, чем она началась. Возбудили их два из ряда вон выходящих события. Они очень взволновали наше сообщество, а предсказателей всегда и везде было достаточно. Первое событие. Года за три до начала войны в тёплый летний день над городом появился аэроплан. Для всех нас это был первый в жизни летательный аппарат в воздухе. Он совершил несколько кругов над городом, и всё население Порхова металось по улицам, не зная, где он сядет на землю. Наконец, аэроплан начал кружиться над западной окраиной города возле Ивановского кладбища. Тут он и сел левее шоссе Порхов — Псков на овсяное поле. Это была не «этажерка», а биплан. Затем появились полицейские, которые оттеснили любопытных [горожан] и взяли аэроплан под охрану. А на следующий день он улетел. Уже в тот же вечер многие горожане, обсуждая событие, решили, что скоро будет война. Второе событие произошло в 1913 году или до 1914 года. Я очень хорошо помню день полного солнечного затмения (в соответствии с астрономическими данными, частное солнечное затмение произошло 30 сентября 1913 г. — М. В.). День превратился в тёмную ночь. [Помню], что мать послала меня за чем-то во двор, и мне было очень страшно. Затмение возбудило новую волну разговоров о войне. И вот 1 августа 1914 года война разразилась. Как её восприняло Порховское общество? Как и во всей

стране — первоначально патриотический угар, немцы лезут на нас, да мы набьем им морду. Чуть не каждый день местная власть организовывала верноподданнические манифестации. По городу ходили нестройные толпы людей во главе со служителями церкви, несли иконы и хоругви, портреты царя. Эти процессии надолго вошли в нашу жизнь. Хорошо помню одну такую грандиозную манифестацию. Осенью 1914 года крепость Перемышль была блокирована (4–28 сентября 1914 г. первый штурм, и 5–9 марта 1915 г. второй штурм и капитуляция австрийского гарнизона — *М. В.*), а затем русские войска овладели ею, по всей стране прошли манифестации в честь русского оружия. Состоялись торжественные мероприятия и в Порхове. На улицы вышло все население города. Первоначально [происходило] шествие по лицам города, а затем его участники направились в храмы. Все тогда ждали, что православное русское воинство скоро победит. Но вести с фронта не всегда шли утешительные. Зато как тогда превозносили отдельные подвиги солдат! По рукам ходили многокрасочные плакаты о геройстве казака Кузьмы Крючкова. Его изображали верхом на коне, с пикой, на которую было нанизано несколько немцев. Мальчишки стремились подражать этому герою и тоже носились с деревянными пиками и саблями.

Война изменила привычный образ горожан, много мужчин мобилизовали в действующую армию, многие семьи уже оплакивали своих близких. А фронт требовал все новых жертв. Повышался призывной возраст военнообязанных. Потом стали укомплектовывать команды ратников — это были мужики в годах, бородатые. Обряжали их в особую черную форму, круглые барашковые шапки с большим белым крестом, обрамленном золотистой металлической лентой, на которой было написано «За веру, царя и отечество». Ратники — старая гвардия царской армии, большинство из них являлись участниками русско-японской войны. Изменился и состав городского населения. Например, в Порхове появилось много представителей Союза земств и городов — Земгор. В этих организациях укрывались родственники богатых людей, стремившихся избежать призыва в ар-

мию. Деятели Союза считали себя причастными к военному ведомству: френч, галифе и мягкая фуражка защитного цвета являлись неотъемлемым их атрибутом. Впоследствии в такой форме шеголял и Александр Керенский. Конечно, я тогда мало разбирался в том, чем занимался Земгор, но помню, что многие горожане относились к нему с резким осуждением за проницательность его дельцов. Позже мне стало известно, что одной из задач Земгора являлась организация кустарей для производства необходимого снаряжения для армии, а также заготовка продовольствия и фуража. В городе возникло и военное производство. Рядом с домом уездного воинского присутствия находилось длинное одноэтажное кирпичное здание с широкими окнами. Здесь оборудовали цех по производству ручных гранат. Корпус их делали из жести, начинали взрывчаткой и обрубками металла. Кузнецы, колесники и столяры делали для армии одноконные и пароконные повозки. Шорники мастерили хомуты, чересседельники, седла, скорняки шили полушубки. В то время в городе производилось для армии очень много всякого снаряжения и обозного имущества. Несмотря на постоянные мобилизации на фронт, количество живущих в Порхове не уменьшалось, а увеличивалось. Возросло население за счёт длительного поста запасного полка и притока беженцев из Прибалтики.

Надо сказать, что война развязала языки, люди не опасались говорить откровенно. Сколько тогда циркулировало различных слухов и небылиц! Помню, что даже в реальном училище среди ребят за спиной педагогов возникали бурные дискуссии об умственном уровне царя Николая II. Большинство склонялось к тому, что он ограниченный человек, хотя не стеснялись использовать и более резкие выражения. Но [следует понимать], что не сами подростки додумались до этого, все домыслы являлись отголоском семейных и уличных разговоров. Хотя доставалось не только царю, хулили Главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича, многих министров. Со злостью говорили о царице Александре, считая, что она является покровительницей немецких шпионов в России, проклинали «святого» старца Гришку Распутина за его подлости

и пакости, за распутство. Искренне жалели солдат и офицеров за их страдания на фронте, за то, что им не хватает снарядов, патронов, обмундирования продовольствия...

Война шла уже более двух лет, все труднее становилось жить и мы это особенно начали чувствовать, начиная с 1916 года. Помню, отец тужил, как жить дальше, когда ржаная мука уже стоила 28 рублей за пуд, что было в тридцать раз дороже, чем до войны. Когда было совсем туго с хлебом, отец посылал меня с братом Леонидом в деревню Требеху к Дмитрию Степановичу. Это был крестный отец моего брата Аркадия. Дмитрий Иванович — глава большой патриархальной семьи, и без наших слов знал, зачем мы пришли. Накормит нас, а потом из клетки вынесет огромный ржаной каравай килограммов на 8–10. Всегда у него хозяйки пекли такие большие хлеба. Дальше становилось еще хуже, деньги все больше обесценивались, а заработки отца уменьшались — кто в военное время будет возбуждать какие либо тяжбы. Ценных вещей семья не имела. Мать стала перетряхивать то, что есть и годиться для обмена на продукты. В доме [были] две швейных машинки — ручная и ножная. Ручную оставили, а ножную поменяли на хлеб. На овес поменяли крытую сукном шубу отца. Так постепенно мы все больше и больше впадали в бедность, а потом и в нищету.

120-й запасной полк. О нем надо сказать поподробнее. Размещение его в Порхове имело огромное значение для горожан, в том числе и экономическое. Расположился полк здесь вскоре после начала войны. Это была большая воинская часть без твердого штатного расписания, численность её не была постоянной. Основной задачей полка была подготовка маршевых батальонов для фронта. Так как город не имел казарм, солдат и унтер-офицеров разместили по обывательским домам. Офицеры снимали квартиры по своему выбору. Горожане охотно брали солдат на постой, так как Городская Управа аккуратно платила за это. Так что у многих мещан появился дополнительный заработок. Вторая выгода обывателям шла из солдатского котла. Дело в том, что личный состав русской армии с избытком получал продовольствие. Солдату и унтер-офицеру в день полагалось 400 гр.

мяса, 1200 гр. круто замешанного хлеба, кроме того, сахар, чай, соль, подболточная мука и всякие приправы. Помню, что очень щедро отпускали красный перец, борщ из солдатского котла обжигал рот и губы. Пополнение в полк поступало из зауральских богатых губерний. Солдаты и унтер-офицеры получали много посылок, а тут ещё такое обильное котловое питание. В каждом доме на постое не менее отделения. По сигналу горниста: завтрак, обед и ужин. К полевой кухне обычно выделялись несколько солдат с баком. Приносят, отольют сколько нужно, остальное хозяйке отдавали...

Командир полка жил в доме агронома Борщевского. У него было несколько столкновений со своевольными горожанами. Дом у агронома хороший, а вот улица полковнику не понравилась — очень беспокойная. Она хороша была тем, что не имела мостовой, все кто ехал на лошади, набережную избегали из-за тряски по булыжнику, да и лошадь должна быть непременно подкованной, иначе может сбить копыта. Так вот полковник сначала отрядил солдат и повозки, на улице против его дома насыпали толстый слой гравия. Не помогло, горожане смекнули, что живет капризный человек с барскими замашками, стали его еще больше донимать — то лошадь погоняли, то ехали с гиканьем. Командир полка приказал настелить на улице солому, и снова людской шум его продолжал тревожить. Приказал поставить часовых на обоих концах улицы, а горожанам было все равно — стрелять же они не будут. В конце концов полковник смирился и не стал больше заниматься улицей. Надо сказать, что все это очень забавляло горожан. Командир же полка оказался не злопамятным человеком, и в целом, много сделал для благоустройства города.

Запасной полк оказывал большое влияние на жизнь населения Порхова. Почти в каждом доме небольшая казарма. Отсюда неизбежно, что строгий воинский распорядок ворвался в обывательские квартиры. В то же время под одной крышей смыкались гражданские и солдатские интересы. Сложилось что-то вроде военизированного поселения. В основном полк размещался на правобережье. Тут день его обитателей начинался по сигналу

горниста «подъём» и заканчивался по сигналу «отбой». Вся солдатская служба со всеми её ритуалами проходила на глазах населения ... Офицеры редко приходили в свои роты и батальоны. Все обучение и воспитание солдат было возложено на фельдфебелей и унтер-офицеров. Я имел возможность наблюдать, как проходил этот процесс и часто бывал на занятиях, которые и с большой натяжкой трудно назвать занятиями, тем более политическим воспитанием. Назывались они «словесность». Солдаты усаживались на нары, унтер в проходе на табуретке. Начинал задавать вопросы на выбор из головы. Так когда-то его учили, и он теперь «передавал» знания другим. Спрашивал: «Кто есть солдат?», «Как величают нашего царя?», «Что значит тезоименитство?» (в данном случае именины высокопоставленного лица, принадлежащего к царствующей фамилии — *М. В.*), «Почему солдат должен умереть за веру, царя и отечество?». Унтер малограмотный, а его солдаты и того хуже. Если и найдется среди них бойкий солдат и толково ответит на вопрос, то унтер всё равно даст свою корявую трактовку и заставит повторить и потом скажет: «вот так всегда и отвечай». Для «словесности» существовал перечень монархических вопросов и примитивных ответов на них. Размышлять не следовало, их нужно было запомнить механически, не прибавляя к ним никакого своего слова. Для физической подготовки солдатами использовались наши широкие улицы. На них в нескольких местах установили брусья, турники, бумы (перекладины — *М. В.*), козля, ворота с подвесными шестами и канатами для лазания. Такая оборудованная площадка была и возле нашего дома. Надо отметить, что полк приобщил нас к физической культуре. Мы сначала смотрели, чему унтер-офицеры учили солдат, а затем сами стали выполнять все упражнения не хуже чем их наставники. Почти каждое утро роты уходили на полевые занятия. С места построения и до места учебы их сопровождала ватага мальчишек. В хвосте колонны катили несколько станков с соломенными чучелами для обучения штыковому бою. К обеду роты с песнями возвращались с полевых занятий

Порхов всегда был тихим и спокойным городом. Казалось бы, война и связанное с

нею сгущение трудностей могли изменить обстановку в городе, вызвать серьезные нарушения общественного порядка. Этого не произошло. Жизнь текла в нём без отклонений от сложившихся моральных норм. Не было краж и насилий. Порядок поддерживался и самим наличием военного гарнизона в городе. Запасной полк внёс большое оживление в культурную жизнь города. Частые концерты военно-духового оркестра в саду Севастьянова, постановка спектаклей силами художественной самодеятельности полка. К числу массовых зрелищ надо отнести и парадные демонстрации строевой выучки войск. Очень памятным для горожан остался полковой праздник. Не знаю, в честь какого события, командир части решил его провести. Пошли по городу разговоры о предстоящем представлении, начались приготовления — поставили трибуны для почётных гостей, оборудовали площадки для различных игр. Праздник был с военно-спортивным уклоном. Показали образцовую строевую выучку, уроки штыкового боя, бросание гранат на дальность и многое другое из военной подготовки. Сводный хор исполнил несколько песен, отличился и духовой оркестр. Затем начались спортивные игры... 120-й полк оставил в Порхове хорошую память о себе. Потом по мере приближения Северного фронта состав гарнизона стал непрерывно меняться. Многие части задерживались не надолго, иные останавливались для укомплектования. В 1916 г. в Порхов прибыл черкесский кавалерийский эскадрон. Не могу сказать, для какой цели его сюда направили. Предполагалось, что на случай прорыва немцами участка фронта за Псковом или подавления крестьянских беспорядков. Но оказалось, что черкесы для этих задач не подходили. Они самовольно совершали глубокие рейды по уезду и грабили дворянские усадьбы. Вскоре эскадрон был отправлен на фронт.

Февральская революция

Что произошло в Петрограде, мы официально узнали несколько дней спустя после революции. Сообщения запаздывали, газеты пришли в первых числах марта. Хорошо помню этот день. Утром вся наша семья сидела за завтраком в нашем тесном флигеле,

отец взял газету, а в ней на первой странице крупным планом были опубликованы материалы о революции.

В Петрограде революция! И всё в Порхове закружилось в бурном потоке ликования. Горожане, нацепив красные банты на грудь, собрались на Соборной площади, обнимались и поздравляли друг друга. Потом построились в колонну и, распевая «Марсельезу», стали маршировать по городу. Оказалось, что этот гимн уже знали. Демонстрации и митинги уже шли несколько дней. Затем кто-то надоумил порховичей взяться за дело. Правда, до этого уже кое что сделали: разружили городских, стражников и всех полицейских чинов, отворили ворота тюрьмы. Народ легко возбуждался, и стоило кому-то бросить клич, и все толпой бросались исполнять его. Так было и с разгромом военных складов. Все происходило очень просто: открыли дверь, несколько человек вошли в склад, остальные выстроились в очередь снаружи. Не требовали документа, смотрели лишь за тем, чтобы оружие не попало в руки мальчонки. Из склада подавали винтовку, обоймы патронов, получи и отходи. Моему брату Леониду было четырнадцать лет, но рост он имел высокий и он тоже получил оружие. Горожане вооружились и теперь все ничём. Революция и экспроприация в городе Порхове развивалась дальше. За оружейным складом наступила очередь вещевых, но их в один день не разнесёшь. Почему в городе оказалось так много военного снаряжения? К этому времени город находился недалеко от фронта. Для оперативного снабжения действующей армии вблизи от неё создавались склады оружия и снарядов, продовольственного и вещевого обеспечения. В Порхове для этой цели потеснили некоторых купцов и заняли их склады. Весть о вещевых складах, находящихся в Порхове, и намерении горожан расправиться с ними, быстро распространилась по уезду. И вот в один день из близких и дальних деревень в город начали съезжаться крестьяне. Горожане скандалов не устраивали, а большими группами ходили с винтовками по улицам города. Многие степенные люди опасались, что кровопролития не избежать, но все обошлось благополучно.

Крестьяне разъехались, не получив своей «доли наследства».

Революция свершилась, но во многих государственных учреждениях существенных изменений не произошло. В Порхове продолжали действовать городская и земская управы. Хотя многие чиновники были в недоумении, как им теперь служить, когда в каждом мещанском доме есть винтовка и крутых мер принимать уже нельзя. В городе существовал очаг, чреватый большими бедами. Винный завод Коничека поставлял военному ведомству водку и спирт. На заводе находились большие запасы этой продукции, и держать их было рискованно. Однажды ночью водку и спирт выпустили в Шелонь. Сам завод находился чуть выше Борисо-Глебской церкви, а плотина мельницы Гагаринского в этом месте подпирала Шелонь, и река здесь была широкая. Но видно, неудачно спустили эти жидкости, и они оказались на поверхности льда, пропитали лежавший на нём снег. На запах водки и спирта быстро сбежались люди. Что тут происходило! С ведрами на коромыслах, с бочонками на салазках, с бочками на конных санях люди черпали наспиритованную снежную жижу, наполняли снежные ёмкости, поспешно отвозили домой добытое и возвращались сюда опять. Так происходило два дня и могло продолжаться и дальше. Не скоро можно было вычерпать весь наспиритованный снег на большой акватории реки. Уездные и городские власти вызвали сапёров, [которые] заложили тротильные шашки и взорвали злополучный лёд. После Февральской революции политические события в Порхове и уезде стали развиваться очень бурно. Начались покушения на дворянскую собственность. Первыми за неё взялись мещане Троицкой и Духновской слободок. На восточной окраине города, примерно в километре от него начинался лес имени Полоное. Массив большой, но лес молодой и главным образом осинник. И вот кто-то занёс над ним топор и все дружно навалились на лес и за две недели мы срубили его до самой барской усадьбы. «Мы срубили» — другое определение не подходит. Не отдельные порубки, хозяйничали в лесу всем миром, каждый приезжал и выбирал, что приглянется. Дров запасли на два три года, да заготовили

ельника для хозяйских потребностей. Лес мы рубили по санному пути, значит это было в начале марта 1917 г. Никаких конкретных претензий у горожан к Дондукову-Корсакову не было, никакого отношения к его поместью они не имели, просто сказалась общая ненависть к барской собственности. Это подтверждается простым примером. На запад от Порхова находится большой сосновый бор с более зрелой и ценной древесиной, чем срубленный осинник. Но этот бор [являлся] общинной собственностью крестьян деревни Осетище, и никто в нём не срубил ни одного дерева. Никто в Порхове не думал заступаться за дворянскую собственность. Рубили мы Полонский лес, не таясь, не ночью, а среди белого дня. Привезённое из леса не прятали, всё лежало у всех на глазах.

Февральская революция произошла в городе совершенно бескровно, даже после того как винтовки и патроны раздали населению. Выстрелов в городе было много, но это мы, мальчишки, забавлялись. Удивительно, что это увлечение стрельбой обходилось у нас без несчастных случаев. Время бежало и все больше чувствовалось приближение грозной бури. До нас доходили отголоски о петроградских событиях, корниловском мятеже. В то время были очень тревожные вечера и ночи, все ждали, что скоро что-то произойдет. Горожане выходили на улицы и долго стояли, прислушивались. Снега еще не было, но мороз уже сковал землю, стала она какой-то звонкой. Где-то раздавались глухие разрывы, люди гадали — неужели немцы наступают. Потом Порхов превратился в проходной двор. Северный фронт начал распадаться. Армия не в одиночку, а полками и дивизиями стала уходить в тыл. Порой колонны часами шли по шоссе Псков — Порхов. Здесь они делали длительный привал. Соборная и Сенная площади были запружены войсками. Тут

многие полки и дивизионы раскалывались на небольшие группы по принципу землячества и дальнейшего дорожного следования. Батарейщики отпрягали лошадей от орудий, покупали у горожан и крестьян сани и дровни. Пушки бросали, а винтовки и пулеметы брали с собой. Сколько тогда артиллерии оставалось в Порхове!

Много я размышлял над тем, каким образом мой отец оказался начальником уездно-городской милиции. Допустим, его как местного принципиального человека, избрала общественность. Но по складу характера, по своим убеждениям он для этой должности не годился. Никогда не держал в руках никакого оружия и не знал как им пользоваться. Кого он набрал в милицию? Знакомых ему городских мещан, да крестьян из окрестных деревень, также не знакомых с оружием. Были это бородатые добродушные и доверчивые мужички. Им даже опасались поручать вывод арестованных из камеры в туалет. [В то время] произошло два побега, милиционер стережет дверь туалета, а арестованного там уже давно и нет, проломил заднюю дощатую стенку и удрал. Так что все действия уездно-городской милиции были очень ограниченными. А может быть, сам ход истории оправдывает существование тогдашней беспомощной милиции. Городские власти хорошо знали, что лес самовольно истребляют. Знал это и начальник уездно-городской милиции. Больше того, ведал, что его дети тоже порубщики, но не принял никаких мер и не использовал милицию в качестве репрессивного органа. Отец просто отошёл в сторону от дел, понимая, что экспроприация дворянской собственности уже началась и остановить её нет никаких возможностей.

Б. Богданов. Август 1981 года.